

XX 101
/

12

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

В спортивном отделении универмага. Выбирает ракетку.

ДОРОГУ МОЛОДЫМ!

(«Счастливые колёса» — постановка выпускников ГТК)

Не совсем нормально происходит выдвигание молодежи на всех сценках нашего искусства.

В кино, драме, опере, балете понятие «молодые», «молодины» — весьма расплывато. Ниной-нибудь двенадцатилетней в драме или опере, или ансамбле с проблемой изобразить считается часто принадлежавшими к какому-либо молодому поколению, что за долговременное пребывание в театре им так и не удалось сыграть мало-мальски заметной роли.

К художественным вузам — поставщикам людского сырья для советского театра и кино, до сих пор наблюдается преобладательно обидное для них отношение со стороны комсомола и общественности. Мало того, что быты и условия, в которых живет и формируется наш художественный молодежь, уделяется меньше внимания и заботливости, нежели другим вузам, но и молодежи, уже окончившей тот или иной художественный вуз или техникум, много приходится переносить, прежде чем она займет какое-либо положение в театре или кинопроизводстве.

Тем не менее и в отряде отмечать значительный успех, продвижение нашего художествен-

ной, свое место и в вузах художественных, и в частности в Государственном техникуме кинематографии (ГТК), только недавно отрадно вышедшим своей 10-летней юбилей.

Учащиеся ГТК, находясь еще в стенах техникума, работают в кинопроизводстве в качестве ассистентов режиссеров, артистов, операторов и т. п. и приобретают все необходимые им навыки для будущей самостоятельной работы.

Применяемый в настоящее время выпуск из учебного заведения путем постановки выпускниками полнометражных и короткометражных фильмов целиком себя оправдал.

Особенно надо отметить участие в фильме «Счастливые колёса» — комсомольцев И. Голуб и Л. Садюгина и оператора Ф. Шака. «Счастливые колёса» — лирическая комедия по мотивам В. Катаева.

Молодой педарх Петяня выдвигается в Людмилочку — дочь владельца аттракциона «Счастливые колёса». Ради ее искренних глаз он забывает свою товарню по хлебозаводу Перюру, спуска руляча относится к работе, бросает занятия спортом и т. п. Но Людмилочку собираются выдать замуж за Пьера — нового компаньона ее папаша, Петяня, желая по что бы то ни стало добиться расставания Людмилочки, все свое свободное время занимается вышиванием ковриков на гвоздях, вбитых в стену его комнаты. Наловчившись в этом деле, он отправляется в сад и аттракцион ко «счастливым колёсам», и в увязе его владельца вынуждает все вещи. В отчаянии папаша, желая предотвратить свое разорение, соглашается на брак Петяни с Людмилочкой. Но последний, устыдившись своего «отрава», мирится с Юрием и становится лучшим хорошим мамой.

Таково несложное и несколько наивное содержание фильма. Действие ее происходит на хлебозаводе, показаны весь процесс механизированной выпечки хлеба, затем в городском саду у аттракциона с колёсами и на водном стадионе.

Молодые постановщики сумели схватить много интересных моментов хлебного производства, спортивных занятий, гребных гонок и т. п., введи в фильм ряд веселых трюков и комедийных положений.

Вся фильму пронизана свежестью и задором молодости, заславляя зрителя с интересом следить за развивающейся интригой. Простой логичный монтаж, без всякого «художествования», делает ее доходягой до рядового зрителя.

Режиссером, связанных необходимостью использовать в фильме преимущественно учащихся ГТК, повалью можно лишь утверждать в несколько слабоватом подборе актеров. В частности, Людмилочку (Е. Невзнова) и папаша (Ф. Чигого), много расплывчатого

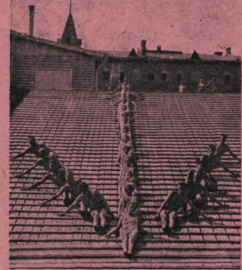
Петяня рассказывает о своих похождениях товарищам по хлебозаводу.

«Папаша» и Людмилочкин жених Пьер у аттракциона с колёсами.

и неубедительно дающих типы мезантинки и мелкого буржуазина. А в общем «Счастливыми колёсами» — первой полнометражной фильмой — геттовыми ансамблем выдержали.

МИХ. ДОЛГОПОЛОВ

Гимнастические упражнения гребцов на водном стадионе.

ного молодёжи своих сил, помогающих быстрейшему развитию советского искусства. Производственная практика, широко применяющаяся теперь во всех вузах, находит, на-

«Замедленный» бег.

Юрия перед гребными гонками.

СМЕНА

ДВУХДЕСЯТЬ ПЯТЬ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МЛАДШИХ

ШЕВИОТОВЫЙ РАЙ

Рассказ ВИТАЛИЯ ВАСИЛЕВСКОГО

1

СЧАСТЬЕ убежало от Кости Трофимова, отражаясь в лужах, скользя по ослизненным камням мостовой, разгоняя вялую изморозь, проливаясь у фонарей.

— Невозможно, — сказала Маша. — Совершенно невозможно. Грязь, холод, комья...

— Милая, — жалобно сказал Костя. — Я же тебя звал к себе. — Хм, к тебе, — сказала обиженно Маша, пряча мокрые щеки и носик в поднятый воротник. — Я не знаю, шутишь ли ты или издеваешься, Костя. Как это девушка может зайти к молодому человеку в комнату?

— А чего особенного?

— Бог ничего.

— Маша, — сказал Костя шуточно, — ну что же я поделаю? Ленинградское лето — сама зимаешь.

— Я уже говорила, — холодно ответила Маша, пожимая губы и глядя поверх завитых мутной водой газонов.

— Денег, родная, нет...

— Если бы захотел видиться почаще, то нашел. А я больше, вот хоть убей, по туману гулять не желаю. Сердись, не сердись.

— Машенька!

— Вот и Машенька. Ну, прощай, мне на седьмой.

Трамвай, гудя и поворачивая на повороте, отходил за Неву. — Кошачья лапа? — Костя и приложил ко лбу мокрую от прикосновения холодных пальчиков Машин руку. — И поцеловала, как покойника!

А счастье? Полно! Да было ли оно раньше? Но он почувствовал, как срывается дыхание и темнеет в глазах при воспоминании о скоротечных летних радостях.

А сейчас счастье убежало за Неву, обгоняя «семерку» и отражаясь в темной кипяти волн, яростно бушевавших под арками моста.

Мог ли он догнать убегающее счастье? Нет, его там стараться...

Он мрачно оглядел разбитые ботинки, растянутые на коленях шершавые брючишки и лиловую, линялую, тугую в ворота рубашку.

Впрочем, она права. Какие встречи на бульваре в такую погоду. А он не имеет только костюма, обыкновенного серого шевитового костюма, чтобы притти к ней домой, сидеть в теплой и светлой комнате, обогреться чаем и краснеть, пугливо оглядываясь на дорожного отца и кривоуго мамашу, прикуривающую за самоваром.

Нет, немисленно, — сказал он, — потерять самое дорогое, самое радостное из-за отсутствия нескольких червонцев.

В среднем он получает в день 2.50, т. е. в неделю столько-то (2.50 × 6), т. е. в месяц столько-то (2.50 × 6 × 4).

Нужно не ходить в кино, не обедать, не пить, не курить, чтобы догнать через два месяца в новом костюме, с перхотным пробором и шелковым платочком в кармашке счастье, ускользающее из его рук.

2

Он пропал на барахолке самодельный радиоприемник, перочинный ножик и кофеек, свалил в мешок макалуку равное белье и, спотыкаясь и роняя стулья, ринулся к телефону.

— Можно Машу? — спросил он и закрыл глаза. Вероятно, мать идет по страшно темному коридору в столовую.

— Мена? — как высок, ясен и удивлен ее голос. Она поправляет прическу и бежит, золотоволосая, полная, с ямочками на щеках, к неумолимо звящему телефону.

— Я слушаю...

— Маша, — сказал он, — послушай, Маша. У меня будет костюм...

— Костя?

— Из шевюта.

— И... джемпер?

— И... джемпер. Я буду приходить к тебе, Маша, и нам будет хорошо, хорошо.

— И джиким?

— И... и джикими, Маша. Ты очень?

— И шелковые носки?

— Костя, милый!

— Ма-шень-ка!

3

Стрелка застыла на трех. Она была неумолима. Последние полчаса проходили непомерно длинные, словно вечность. — Константин Михайлович, папиросочку, — переткнулся через контурку Николай Иванович. Нос его был украшен лиловой илксией. Стателдк кочал отчет. Торопились все, как чыгане на ярмарку.

— Бросил, — гордо сказал Костя, верте зеленую ручку меж пальцев. — Здоровье пошатнулось? — придал лицу мрачное выражение, спросил Николай Иванович.

— Нет-ет. Какоес...

Костя сжал в ладони дубовое, аляповато вырезанное пресс-папье и напружил руку. Николай Иванович осторожно дотронулся до кончиков пальцев, изумленно открыл рот и всплеснул руками.

— Геркулес! — прошептал он восхищено.

Геркулес взглянул на часы — стрелка походила к шестерке, швырнул в ящик бумаги, прикрыл чернильницу и схватил кепку.

— Деньги нужны, — сказал он, — костюм покупаю. А ставочка, сами понимаете.

Чахоточная кондукторша, устало зевая, оторвала билетик. Блжмалк звонки, и вагоновожатый протирал рукавом заплякн-ное стекло. Трамвай входил на Невский. Исчезла из глаз просторная пуста Дворцовая площадь, где ангел-клонил долу свой девичий лик.

У Ленинградоледкы Костя прыгнул на скользкие торпозные шашки.

В зеркальном окне серел недоосаемо-чудесный костюм. Какой покрой! На нем, Косте Трофимове, он будет сидеть, как вылитый.

«Или лучше взять синий? Разница в семи рублях, но какой тон, какое благородство».

Костя, жадно обливая губы, вертелся перед витриной. «Синий, — думал он, привычно морща брови, — теперь любой извозчик синий костюм носит. Серый — и никакнк».

Он вздохнул, сожалел, что нельзя вечно стоять перед магазином и любоваться на костюмные великолюле.

Знакомой до тошноты дорогой он прошел на Коношенную и поднялся в столовую. Там солнце, студное северное солнце, скупо дробилось на подносах и зеркалах, жирно пахло перегорелой кашей и шами, разухабисто доканчивал оркестр сентиментальный вальс «Осенние мечты».

Ничего не видя, не слыша, прообразил Костя меж столиков и натолкнулся на каску.

— Вам сколько? — спросила розовощекая кассирша.

— Что сколько?

— Да обед. О, господи... — страдальчески закатывая глаза, закричала кассирша.

Обед! Да ему и не надо обеда. Это привычка, трехлетняя привычка еженедельно обедать в одной столовой привела его сюда, помимо воли, помимо сознания.

Он не имеет права обедать. Обед! Хорошенькое дело — сорок пять копеек. В неделю, сколько будет в неделю?

Костя прислонился к колонне и, безвольно шевеля губами, принялся попочитывать. Цифры пробагали перед его глазами,

словно в багровом тумане. За ними мерещились звонкие кружачки серебра, затасканные трешки и рубли.—цена костюма, цена счастья...

— Ну, как, поспедаем?

Словохотов, плотный, толстый, с неагладким загаром на широком лбу, стоял перед ним.

— Нет,—завистливо сказал Костя и, проглотив слюну, стал смотреть куда-то вбок.—Я пощусь. Вот на костюм

шпиль?

— Нет, зачем же?—удивился Костя, но спохватившись, заровнял и сказал вглядиwo.—Конечно, сукно как шелк.

Пузырчатая слюна закипела в углах его губ.

— Придется шить. Ничего не поделаешь. Дороже, но приличнее. Кто же теперь готовое носит? Одна шпана. Джемпер! Английский!—восторженно продолжал кричать он, размахивая руками и насылая на Словохотова.—Словно пух.

— Пропадает,—красно подумал Словохотов и переступил с ноги на ногу.—Вязать начал, худеет, о костюмах бормочет.

— Засасывает!—сказал он неониданно.

— Что засасывает?—спохватился Костя.

— Нет, это я так,—смущенно ответил Словохотов и, для чего-то нагнувшись, поправил и без того исправно завязанный шнурок ботинка.

— Ну, всего.

Он пожал Косте руку и пошел к кассе.

Костя засунул в карман ключ и прикрыл дверь. Каморка, темная и смрая, с окном на задний двор, где помойка, картонный галдеж ворон и кусок, безнаданно синего неба.

Он взобрался на кровать и вынул из вентилятора старательно счищенную тряпку. Уселся на окно, по-татарски поджав под себя ноги, и развернул гнилой ситец.

Последняя получка лежала здесь. Замочаленные дензнаки—липкие, захватанные сотнями рук. Обычно они с поразжающей легкостью разлетались в первый же день—хозяйка, прачка, вышивка, кино. Он сидел в лужак своею волю, незаурядную выдержку, чтоб удержать целиком при себе деньги.

Поплывшая на пальцы, он пересчитал рублевки. Все было в порядке. Через неделю можно приобрести сукно.

«Пона шьется, успею накопить на джемпер».

Он спрыгнул с окна и почувствовал, как необычайно легко его тело. Оно стало совсем незаметным, невесомым. Казалось—подпрыгнул и повиснешь, как резиновый прозвый шар, в воздухе.

Толкo томительная истома да бульканье в животе свидетельствовали—тело здесь, оно живет, оно голодно, тело требует пищи.

Воробато омырлся, Костя вышел на кухню. Хозяйки не было. Шипела вода в кране, сияли кастрюли на плите. Кошка спрыгнула со стола и пошла к нему, расквашива хвост и вкрадливо мурлыкая.

Костя открыл шкаф, отломил увесистый комок хлеба и схватил с тарелки жидкий, соленый супец. Сибясь в три потягива, проскользнул к себе в комнату, итти пришлось на цыпочках, и итти так было непомерно трудно. В верхних своей комнате он схватился за косяк и перешел дух.

— Вкусно, чорт-те дерн. Жаль, что мало.

Он вытер газетой мокрые от огурия руки. Делать было нечего. Можно итти в клуб, но там кино, а билет кусается, билет 15 копеек.

— Хорошо бы в футбол поиграть, да где там... С голдуки.

Костя стянул ботинки, подмял поудобнее подушки, завалился на кровать и мгновенно уснул.

Портной Гершеле (фирма с 1896 года) жил на углу Среднего и Восьмой линии. Приземистый и кособокый, он имел медлительный нрав, пить золотушых детей и косящую жену.

— Портным скоро конец, Гершеле!—ласково говорил лысый старик, покойно сидевший на табуретке, когда Костя вошел с обьемистым узелком в полугнетую комнату.

— Почему комната?—испуганно спросил Гершеле, пытливо взглянув поверх очков на лысого старичка.

— Резинотрест приступает к выработке резиновых костюмов, Гершеле. Два костюма на жизнь. Нормя, не превзойденная законом. Родился человек, его несут на фабрику, мерят, раз, два. И костюм олет. Не вретоя, не ломается. Переть неитьбы другой.

— Ну, это ты врешь!

— А вот, ей-богу, правда,—спокойно возразил старичок.— В шесть месяцев весь Советский Союз олет в резиновые костюмы. Портные идут на биржу и в учителя. i

— Ы-мы,—отчаянно простонал Гершеле, склонился над шитьем, и игла так и замелькала в его руках.

— Почему же в учителя?—спросил Костя и взмахнул узелком с сукном.

— Учителей никогда не будет хватать,—важно пояснил лысый старичок, внезапно повернувшись и подмигнув Гершеле. Кособокый портной осторожнo заколов иглу, положил шитье и слез со стола.

— Что вам угодно?—робчащим голосом произнес он, перегнувшись через стол.

— Мне нужно шить костюм. Можете вы шить костюм?

— Я могу шить костюм!—сказал Гершеле и протянул руку к узелку.—Портной Гершеле (фирма с тысяча восемсот девяносто шестого года) сможет шить все, что угодно.

Он разложил сукно на столе, осторожно, как бы не доверяя, дотронулся до него, сейчас же оттернул руку, словно обжегся, и значительно покачал головой.

— Что такое?—тревожно спросил Костя.

— Хорошее сукно. Где вы покупали такое сукно? В Апраксиним? Такого сукна больше нигде и не найтн.

Спронные момннцы реали, как ласточки, над сукном. Они безнаданно кромсали серый цветот, немолимо прокладывая себе путь по обспаивающимся меловым тропинкам.

— Вы думаете, что?—спросил лысый старичок, запирая дверь за Костей.—Я тоже заказчик.

— Я ничего не думаю,—сказал Костя.

— Как не думаете?—сердито пробормотал старичок, но прежде чем кончить с достоинством, стряхнул пепел с папироски.—А вранье? Газве вы не поумали, зачем этому человеку вранье?

— Ну, подумал,—сказал, усмеаясь, Костя.

— Так я вам скажу, для чего я вру. Я вру для того, чтобы Гершеле скорее шил. Он когда злится, то шить начинает быстрее. Врите больше, молодой человек. Ложь—она ускоряет жизнь.

— Что вам угодно?—робчащим голосом сказал он...

Садовая с гулом трамвая и грохотом ломовиков текла мимо него. Он боялся опоздать, прыгал через лужи, толкая неумолимых ротоцев и неперестанно поглядывая на ботинки,—не попала ли на них грязь.

Словохотов и Тришин—ребята, приятели, и табак и жизнь пополам, шли к нему навстречу. «Что с ними? Почему так хмуры и неприветливы их лица?»

— Здорово, ребята,—сказал он громко, приветливо улыбаясь и протягивая руку.—Здорово, ребята!

Бородатый мялком, обкумалависток, бежал за трамваем, размахивая портфелемиспешили сутулые студенты Института истории искусства в Публичную библиотеку.

— Здорово, ребята!

Тугие яблоки розовели в корзинах у ног голодраных девчат, пыльный криз строился в желтые легионы на потках вихрастых парней.

— Э так в местное и сказал...—говорил Словоохотов, прохля мимо Кости.—Если не исполните—душу вон.

За углом он бил себя в грудь, хватался за пугливый Тришинского пиджака и отчаянно горланил.

— Что? Хамство? Нет-с. Дудки... Я беспартийный футболист, я пьяница, но я фасон знаю—такому, засосанному руки не подам. Костымы, гитары, какарейки, жены, расстратчики.

— Причем тут расстратчики?—спросил Тришин.

— Расстратчики?—задохнулся Словоохотов и сразу же обессил: он понимал, что залетел далеко.—Нет, это я так,—сказал он вяло.

7

Он смотрел на Костю Трофимова, стоящего в зеркале, высокого, худого, со впадинами щеками и прилизанными висками, в новом, шевитовом, отменно шитом костюме.

Костюм был твормой, коновом, плахой, чем угодно, только не костюмом. Он отнял у него ту незамечаемую свободу движений, которой он обладал, когда носил скудную трухлявую свою одежку. Нельзя было, садясь, круто сгибать колени—брюки могли растянуться, нельзя мить спину, нельзя... да мало ли чего нельзя.

— Костенька,—зашептала Маша, останавливаясь в дверях.—Ну, иди сюда, посмотрю. Какой хороший! И тебе ужасно идет!

— Папа, знакомьтесь—Маша подтолкнула его к человеку, сидевшему в кресле.

Папа. Он сунул потную руку, буркнул урочо—«Егоров» и прихлопнул, подняв «Вечорку», в кожаное кресло.

— Сколько получаете?—осведомился он. Маша. Она в бархатном платье с наклонкой, заплата сухонкого личико, топталась у стола, звякая посудой.

— Сто пятьдесят!—брюнчук Кости и, нестою покраснев, стал вязать в узелки бахрому скатерти.

— М-м... Скажите!—затрепетал папа.—Мать! Слышишь?

— Дай бог, дай бог,—заборотала мама, отыскивая глазами кроткое снятие Иисуса из Назарета в переднем углу.

— Познакомьтесь, Мефодий Карлович, сослуживец,—сказал папа.

Костя поднял глаза. Лысый старичок, поднялся с кресла, обтягивая усмашенным пелом коточик.

— Очень... очень...—затараторил он, приятельски улыбаясь.—Немного знакомы. Хороший костюм. Герше, правда, жулик, но в своем деле артист. Художник. Остаточки взяли?

— Нет, что вы!—опешил Костя.

— Напрасно... Напрасно,—сказал Мефодий Карлович и отхлебнул дымящийся чай,—вдруг порвется где или дырочка. При вышем сиднем образе жизни.

Звякнул колокольчик в прихожей.

— Девочки!—сказала Маша и щелкнула выключателем. Все подняли головы и посмотрели, как вспыхнули молочные шары у потолка.

Шурша наглаженными до глянца юбками, вошли подруги.

— Костя Трофимов,—сказала Маша восхищенно, и не могла-таки удержаться, хихикнула.—Что девочки, взяли!

Папа сидел сиднем в кресле, сопел и шуршал газетой, но не стерпел, шугнул от буфета мать и вытащил, жумурясь, рубиловку с нижней полки.

Накрасно хрипел, сверкая трубой, граммофон у окна. Девочки шушукались за спиной.

— Костенька! Как я тебя люблю,—прошептала Маша и упорнула с подругами в спальню, шептается и опарывает наряды.

— Она... меня...—сказал Костя и пошел на вилку ломать сыра. Сыр был губчатый, рыхлый, покрытый испариной.—Любит... За что?

Но думать ему не дали—позвали играть в палу римского. Раскачиваясь на стуле и плечом задевая Машу—усталую, сстилавую, Костя сказал:—Машенька! А что если бы костюма не было!

То есть как это не было? Ты опять сердить меня хочешь, Костя?—обиделась Маша и отвернулась, надув губы.

— Тише, товарищи,

Шапки долой, Красноармеец!

Погиб молодой!—читала тихонько, словно для себя, шепелявая Ноша, теребя рукави оборку платья и закатывая глаза.

— Теперь жених пошел нестоюшка!—говорил несленно Мефодий Карлович в столовой. Он уже шестую рюмку рубиновки кончил. Раскраснелся, вспотел и обмахивался засти-

ранным платком, как веером.—Легкое, шелкопер, а не жених. Норовит поравлечься и сбегать...

— Господи!—взпригнула мама, кутаясь в пуховой платок.—Да у нас Маша и...

— Па-ани-маю,—сказал Мефодий Карлович.—Я в принципе. Когда Катю вылавывал, две бутылки дворнику поставил, чтобы свидетельел на всякий случай.

«Его отец Нежданно, негладно... Или в самом деле, жениться, нажить к двадцати восьми годам животчик, ругаться с женой... Женой. Машенька и жена. Что? Застолстет, будет ходить на рынок и жаловаться на дорожное масло».

А он, Константин Михайлович Трофимов, будет пить по маленькому, дерзкийдваться в пьятсот одно, ходить по гостям в праздники.

Красноармеец

Погиб молодой!

— Bravo!—закричали девочки, хлопая в ладоши.

Он поднялся со стула, шатаясь, словно больной.

«И так просто,—думал он, пробираясь в прихожую, снимая пальто и не попадая в рукава.—Как он не мог догадаться, что это и е а с т о я ше, если оно боится дождя, равных грех и дивный кооператори...»

...У него были товарищи. Он отошел от них, заправившись в своей каморке—увлеченный погоней за шевитовым счастьем. Какая мерзость. Не здороваются... И правильно. И неужно здороваться.

— Костенька!—запричитала Маша, всегая в прихожую.—Что ты? Идем играть... Костя!—ахнула она, увидев залученный на лоб козырек кепи.—Да что с тобой? Миленький!

— Миленький?—закричал Костя.—В костюме—миленький? С жалованием в пятнадцать червонцев—роденький? Пшла к черту!

Маша согнулась, словно ее ударили, побледила, кудри упали на щеки. Метнулась в столовую.

— Уходит,—визг ее стих, сменившись лающим рыданием.

... Маша подтолкнула его к человеку, сидевшему в кресле.

НОЧНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ

Повесть М. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

Иллюстрации Г. ФИЛИППОВСКОГО и М. ГУТМАНА

(Окончание)¹

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Комсомолец Дагобер уведен с фабрики по подозрению в подпольной работе. Вернувшись домой, он узнает об обыске, произведенном у него на квартире, и вынужден скрыться от преследований полиции. Окружившая комитет партии перебрывается Дагобера в другой район Парижа на работу в рабочем кооперативе. Там он не только обретает мать своей приемной сестры в комсомоле, но и находит себе товарища особенно замечательного — Дагобера Елену Мишель — предводителю кооператива. Проходит немало дней, и Дагобер чувствует, что он свободен в Елену. Тем временем происходит странная событие: кто-то ночью тайно врывается в помещение кооператива и испортил продукты. Дагобер и Елена Мишель, желая выяснить кто-то ночные посетители, устраивают ловушку в магазине. Во время такой ловушки Дагобер признается Елене, что он польхович.

Крик, электричество освещает комнату, на полу валяется человек. Дагобер узнает в нем бродягу, встреченного им утром.

Елена по телефону вызывает полицию. Дагобер уже с секундом в руке стоит перед бродягой, но бродяга не пытается сопротивляться: не поднимаясь с пола, он флегматично выплевывает изо рта сгустки крови.

Рядом с бродягой валяются три куля, принесенные им. Один из них ловику при падении.

Дальнейшее совершается быстро. Бродяга под охраной полицейского, сопровождаемый Еленой, отправляется в комисариат, а Дагобер, забрав гвоздями выход на чердак, приводит в порядок товары.

Теперь он уже начисто проверяет каждую полку, шкаф, мешок и, наконец, доходит до маленького лунчика, в который он не успел заглянуть вчера. На всякий случай открывает его.

Продукты в порядке. Дагобер собирался было уже закрыть лунчик и отправиться к себе в комнату, когда его внимание привлекает маленький железный ящик, лежащий на нижней полке, казавшееся, не имеющий непосредственного отношения к лунчику.

Он вынимает ящик, увы, он запечат. Впрочем, у Дагобера целая связка ключей в кармане. Он осторожно пробует один ключ за другим. Маленький ключ, ключ от кассы, открывает сундучок.

Увидав содержимое, Дагобер бледнеет. В сундучке — бумаги, листовки, какие-то планы.

Дагобер читает одну из них. Нет, такую листовку никогда не могла бы выпустить французская компартия — явная провокация. Рядом с листовками большая запечатанный конверт с штампелем Коминтерна.

Дагобер быстро соображает. Повидимому, эти листовки подкинуты для того, чтобы потом, произведя обыск, доказать,

что кооператив ведет политическую работу. Надо быстрее отвести ящик куда-нибудь. Кому? Конечно, секретарю окр. парткома — товарищу Любу.

Дагобер заирает лунчик, выскакивает из кооператива, мимо него плывет такси. Желтые фонари излучают содоков.

Дагобер хлопнул в ладоши. Такси остановилось.

— Улица Замка, 195. Живо!

— Магкие комжаны лунчики подбросили его. Машина завязкала, сорвалась с места.

V

Секретарь окрпарткома живет на улице Де-Вожирар. Утром здесь бойкотуют вареной фасолью, зеленью и личью. Сейчас улица Де-Вожирар спит. Только полицейские нарушают ее тишину стуком сапог.

Покосившись на полицейского, Дагобер выскакивает из такси. Он быстро пробегает к парадному, ныряет в темноте для того, чтобы через минуту оказаться около знакомой двери. Короткий звонок — и дверь открывается. Высокая, бледная женщина в ночном капоте впускает его в переднюю. Эта женщина — жена секретаря, привыкшая к позднему визитам, привыкшая не удивляться появлению неизвестных людей, мешавших спать ее и без того утомленному мужу.

Люба еще не спит. Он с удивлением смотрит на запыхавшегося Дагобера, на лице которого застыла радостно-восторженное чувство.

Дагобер быстро вводит секретаря в курс дела.

Слушая комсомольца, Люба свдвигает брови. Большие черные глаза впадают в лицо говорящего. Мысли обгоняют глаза. Светло-синяя жила на лбу багровеет.

Значит, случилось именно то, чего он боялся. Он снимает руку своего собеседника.

¹ Начало см. в №№ 10 и 11 «Снежи».

— Спасибо, хорошо! Елестяще! Ты настоящий человек. Нам удалось отстоять кооператив. Теперь, мой мальчик, мы поступим так: опровергаем суеверие, мы помоним его на место, а через неделю, другую опубликуем документы в «Юманите», и полиция подпрыгнет от злости, как тигренок, ужаленный змея. А теперь скажи мне, кто из вас провокатор?

Перед глазами Дагобера мелькают лица товарищей. Тяжелый, неповоротливый, точно сошедший со страниц юмористического журнала—отец Мотье. Серые усы, добрые глаза. Нет, такой не изменит. Маленькая, сутливая старуха-кухарка, вершая в дьяволов, привидения и леших. Конечно, не она. Тогда кто же? Елена? Дагобер знает за побное предположение. Держится как-то не Марке ли? Скритый, маленький, влюбленный в трубку из черного дерева. Не он ли?..

Дагобер смущен. Имеет ли он право назвать человека провокатором без данных, без фактов, только по полурозу?

— Ну, говори,—настаивает секретарь,—кто же?

— Марке,—шепчет Дагобер, несхотно выпуская это имя изо рта и, внезапно осознав свою ошибку, краснеет.

— Марке!—ударяет кулаком по столу секретарь.— Не может быть! На чем основано такое подозрение?

— Он страанный какой-то. Чрезмерно скритый и осторожный. Держится как-то не по-товарищески. Имеет такой вид, словно сел в чужие санки...

— Гм... данных для обвинения мало,—замечает Люба.— Хотя этот самый Марке и происходит из довольно подозрительной семьи. Не то сын старьевщика, не то лавочника. Впрочем, я его знаю давно. Он работал при нашей ячейке и работал недурно. Хотя... надо быть осторожным. Наблюдал за ним и в случае чего—сообщил. Тебя в кооперативе считают беспартийным. Я надеюсь, что ты никому не проговорился о себе, и потому, если провокатор среди вас имеется, он меньше всего будет обращать внимания на тебя.

Дагобер не знает, куда запрятать глаза. Смущается еще больше.

— В чем дело? Почему ты волнуешься?—нарушает молчанье секретарь.

— Я не виноват. В том-то и беда, что я проговорился. Я рассказал обо всем Елене.

Секретарь сердито пожимает плечами.

— Кто тебя так за язык? Почему ты рассказал?

— Видишь ли,—почти шепотом прокладывает Дагобер,—я никогда раньше не думал, что это может случиться со мной. Но я полюбил Елену и в разговор проболтался. Трудно скрывать что-либо от любимой женщины.

Люба хмурится. Прошавсь с Дагобером, он повторяет:

— Помни, что через несколько дней будет собрание пайщиков; если полиция решила нас ударить, то, несмотря на все провалы лавочников, она сделает это именно сейчас, до собрания. Жаль, конечно, что ты проболтался Елене, хотя она и честный партнер, но все же и товарищу доверять такие вещи нельзя. Прощай.

VI

В кооперативе тихо. Дагобер прячет в пустой ящик ледник, запирает дверь и тихонько карабкается на крышу. Он решает вернуться к себе в комнату тем путем, каким вор пробрался в кооператив.

На крыше он замечает тень, спускающуюся по лестнице. Желая подстеречь ночного путешественника, Дагобер пытается спрятаться в тени.

Поздно! Неизвестный услышал шум и быстро карабкается наверх.

Надеюсь догнать вора, Дагобер спешит за ним, но, добравшись до крыши шестизатанника, не застаёт там никого.

Марке—решает Дагобер, зная, что комсомолец живет с ним и Еленой в одном этаже и подкрадывается к его окну.

Марке сидит на кровати и читает книгу.

«Притворяется»,—думает Дагобер и собирается покинуть окно, когда взор читающего оставляет книгу и поднимается к окну. Марке блещет.

— Что ты тут делаешь?—сердито спрашивает он Дагобера. — А ты почему не спишь?—кричит Дагобер, прыгая в комнату.

— Потому что не хочется,—с злостью отвечает Марке. Его маленькие черные глаза подозрительно бегают.

Дагобер понимает, что он поступил несколько опрометчиво.

— За ревушками шлешься,—ворчит Марке,—и другим мешаешь работать. Еремлю влюбляться в наши времена. Евою прошлую ночь спать не давали, котами влюбленных с Еленой кришу облажили.

Дагобер выдвигает, значит, Марке все знает. Надо навести его на ложный след.—Знаешь, что...—и Дагобер сообщает Марке историю с лавочником.

Непомерно большой рот маленького комсомольца растянулся в улыбку:

— Ну, прости, а я-то не понимал, в чем дело! Молодцы, ребята, напрасно не позвали меня на помощь!

Попрошавшись с Марке, Дагобер возвращается к себе в комнату и, не раздеваясь, опускается на кровать.

Сон мгновенно задержал его сознание черной занавеской век.

Серые лучи утреннего солнца осторожными мышками проползают в окно. Звенит будильник. Пора вставать.

В кооперативе волнение. Все смеются. Отец Мотье и тетусха Тома с жаром сообщают новости посетителям. Поминка жулика гонимает репутацию товарищества, а кто хотел скомпрометировать рабочее дело. Пайщики организуют несколько летучих собраний.

Среди общего шума и гама один лишь Дагобер остается спокойным и внимательно поглядывает на ледничек, надеясь захватить провокатора.

Когда Марке неожиданно срывается с места и двигается к ледничку, Дагобер следит за ним и с разочарованием замечает, что Марке вынимает из ящика железную шпательку, а остатки вездешного обеда.

Вечером, когда посетители покидают лавку и отец Мотье, добродушно покрываясь, выгоняет сослуживцев, Дагобер уходит последним. Вернувшись в мансарду, он ставит будильник на 12. Он решил отдохнуть часок-другой, хорошо зная, что полиция, подобно нечистой силе, не появляется поздно ночью.

VII

Темнота медленно и торжественно покрывает Париж.

Ей навстречу вспыхивают огоньки. Елестит мелькающими цветами Эйфельова башня, похожая на золотистый нож, воткнутый в темное небо.

Вольф бульваров и по улицам тянутся крохотные темные стада автомобилей, прыгают над витринами электрические рекламы, скрипят ресоры автобусов.

Для полицейских теперь наступил трудовой день. Ни один дирижер не сумел бы так совершенно размахивать палочкой, руководя оркестром, как они, направляя липко шуршащий поток шин то в ту, то в другую сторону по асфальту.

Дагобер не участвует в этом движении. Дагобер спит. Во сне он перескочил через несколько лет. Белым светом луны озаряется огромная площадь Конкорды, где некогда якобинцы в полосатах шароварах и красных колпаках гильотинировали кавалеров, и где теперь заснушему Дагоберу мерещатся пылающие костры.

Мировая война, напавшая на СССР, грохот пушек, исторические выкрики газетчиков на площади Оперы—события мелькают перед Дагобером, как на кинолентке.

Высокая, бледная женщина... выпускает его в переднюю.

В ее руке появляется револьвер.

Красные флаги покрыли Париж, огромный кусок кроватной материи вился над башней Эйфеля, как бы желая заглушить своим победным шуршанием все остальные звуки, а внизу — бесконечное шествие демонстраций.

Тысяча всадников, приехавших на высоких тонкокожих жеребцах, разложили всеские желтые кисты на площади Конкорды вокруг египетского обелиска, вывезенного из нужной страны Налоном Бошларом. Азия освобождает Европу! Залучившие колонны Луарских дворян на смерть перелугам огромными льдинами в черных мохнатых шапках.

Среди этих людей, среди брызгающихся длиннохвостых коней, среди костров и треска лопов шмыгает Дагобер, стараясь обхитриться с каждым пришельцем, стараясь рассказать что-то приехавшим освободителям, стараясь поделиться с ними воспоминаниями о недавнем восстании в парижских предместьях. Дагобер вспоминает, как после того, когда Советская Германия и освободившая Польшу СССР, нахлынули на границы Франции, в Париже из-за кладбища коммунаров и узких кривых переулков Мениль Монтана встали красные предместья и вышли на широкие дороги центральных бульваров.

Все это было вчера, позавчера, а сегодня востоявший Париж встречает гостей.

Дагобер хочется смеяться, кричать, плакать, прыгать через костры, танцевать известные танцы и даже порою повторять сначала, с самого начала минуту борьбы.

Вдруг картины исчезают, кто-то сильно трясет его за руку, яркий свет электрической лампочки режет глаза.

У кровати стоит Марке.

— Слушай, слушай, — возмущенно говорит он, продолжая тормошить Дагобера, — смотри, что я нашел у себя под матрасцем. Марке бросает на одеяло килу бумаг — листовки, планы, письма.

«Снова прокламация», — похвалывает Дагобер, но в ту же минуту соображает, что Марке, если он провокатор, нет смысла принести обличающие бумаги и самому же предупредить о них.

— Как ты их нашел?

— Под матрасом. Решил проутожить брони, положить их под тюфяк, поднимаю, а там бумаги.

— Постой, постой. А окно у тебя было закрыто?

— Нет, даже удивился — открыто настежь.

Дагобер кидается за Еленой. Надо ее предупредить. На его зов Елена бежит в комнату.

На лестнице раздаются тяжелые шаги.

— Полиция, полиция, — кричит Дагобер. — Уничтожай бумагу! Иди вниз! Или лучше просто бежим через крышу. — Он кидается к окну, но уже поздно. Дверь открывается, и в комнату, тяжело ступая, влетает отец Мотье.

— Дети мои, кооператив окружен шпионами. Я заметил их, возвращаясь из кафе, и шмыгнул к вам. Приготовьтесь и встречте.

Дагобер рассказывает Мотье о неприятном случае, происшедшем с ними.

— Они подкинули документы не только и нам, но и в кооператив, но мне удалось предотвратить провока-

цию и выкинуть компрометирующие документы из железного ящика в леднике.

Все время молчаливая Елена бledает и, вилля, как Марке снимает бумаги, хватая его за руку и кричит:

— Не жгите бумаги, я вам все сейчас объясню!

— Чорта с два, — ругается Марке, — поджигай прокламацию!

Тогда Елена отскакивает от Марке в сторону. В ее руке появляется револьвер.

— Запрещая мечь бумагу — на помощь, на помощь!

— Руки Дагобера опускаются. Мысли летят куда-то вниз. Значит Елена — шпик.

Он падает на кровать, не знает, что предпринять, когда вдруг обычно спокойный Марке, неожиданно нагибается, кошкой полкатывается к Елене, хватая ее за руку и, вырвав револьвер, кричит Мотье и Дагоберу:

— Жгите, жгите, черт!

— и он направленно револьвер на Елену и решительно заявляет ей:

— Если будешь кричать — застрелю!

Яркое пламя освещает комнату. На полу остается лишь пепел. Отец Мотье старательно собирает его венником и выбрасывает в окошко. Марке садится на стул и, покуривая трубочку, спрашивает:

— Драпать, конечно, бесполезно, ну что я буду делать с этим браунингом?

— Дай его мне, — просит Дагобер, окончательно пришедший в себя. — Я все равно провадилос, и лишние два месяца не изменят моего положения. Слышишь, давай! — он отнимает браунинг у Марке и кладет его в карман, а потом, обернувшись к Елене, говорит:

— Ну, а теперь, когда операция закончена, вы свободны. К сожалению, наша партия запрещает убийство провокатора на территории Франции.

После ухода Елены Марке снова спрашивает:

— А что мы будем делать дальше?

— Ждать ареста, — философски улыбнувшись, предлагает отец Мотье. — Кооператив в безопасности. Ведь, обсыкто они будут делать с понятиями, и поэтому подкинуть им ничего не удастся.

Вскоре появляется полиция. Двое в форме, двое в штатском. Через полчаса Дагобер, Мотье и Марке — в префектуре.

Маленький следователь с хитро шмыряющими глазами отпущен на волю Мотье и Марке и, усевшись поудобнее против Дагобера, смеется:

— Что, молодой человек, засыпались?

Дагобер молчит. Он еще не пришел в себя.

Следователь похлопывает рукой по пресс-папье.

— Итак, вы отказываетесь отвечать? Очень хорошо, очень хорошо. Через два года, в день вашего освобождения мы снова встретимся. Дагобер с злобой вспоминает, как он целовал эту самую девушку, и лишь тогда, когда тюремный автомобиль срывается с места, улыбка появляется на его губах.

«А все-таки номер не прошел, а все-таки полиции не удалось захватить кооператив».

Мрачное настроение рассеивается. Радостная улыбка окончательно овладевает губами Дагобера. Покрытый мягким пухом подбородок его дрожит от смеха.

А в маленьком окошке в спине автомобиля быстро уменьшаются и суживаются улицы, мелькают темные полоски переулков, блистят витрины магазинов.

ОБВИНИТЕЛЬ

Черк Ильи ЗАСЛАВСКОГО

Рисунок С. ПРУССОВА

БОЛЬШОЙ зал заводского клуба наполнил волнующее озеро. Всплески слов, обрывки фраз разливались в воздухе, точно колымаемые ветром волны.

Рабочие и работницы переговаривались друг с другом, рассказывали заводские новости в ожидании начала собрания.

На клубной сцене за столом, покрытым красным покрывалом, рассаживались члены бюро ячейки, заводского и представителей дирекции.

Направо от них, на отдельной скамейке сидел рабочий Васяка Ермилин. Это он был сегодня виновником печального торжества.

Еще до прошлого года Ермилин был комсомольцем. Но за пьянку его пришлось изгонять.

Однако, поставив себя вне комсомольского коллектива, Ермилин не образовался. Он пропалал приходил на завод пьяным и в таком состоянии работал у очень сложного штампа.

И вот случилось. Неделею тому назад по заданию мастера Ермилин направил матрицу у штампа, чтоб пустить латуновую ленту для «головки».

Прежде чем включить мотор и пустить штамп, Ермилин сбегал куда-то на несколько минут.

— Смотри, не балуй, Васяка,—сказал ему строго мастер, подозрительно ошупывая его глазами.—Наверно, в уборную бегал из горляшка сосать.

Ермилин ничего не ответил. С мрачной решимостью он пошел к мотору и поворачивал верилу. Мотор застал. Ремешь рванулся и лобезал, подбаливая себя хлопками.

Ермилин пошел к штампу и вместо латуновой ленты вжал латуновую.

В штампе вдруг что-то крупнуло, словно тяжелое колесо паровоза наскочило на ледяную глыбу. Ремешь оторвался и с силой шлепнул Ермилина по голове.

Стальные литки матрицы метнулись из штампа и врезались в каменную стену. Дорогой штамп был исковеркан и выведен из строя...

И вот сегодня общественный суд... Общественный обвинитель, откуда-то приглашенный, начал свою речь. Его голос, приглушенный и низкий, как-то не вязался с его сравнительной молодостью. В его словах, в его интонации не чувствовалось ни порыва, ни горения, ни негодования, которые обогнали бы собравшихся здесь человеческий массив. Его мерклая речь лилась с трибуны точно так же, как мелкий, непопадный, осенний дождь. Его бесстрастный голос расхолаживал аудиторию.

Я посмотрел на обвинителя в тот момент, когда его глаза, до сих пор опущенные, скользнули по аудитории.

Его лицо показало мне очень знакомым. Я нечаянно мучительно напрягать память. Перелюбки глазами мелькала панорама образов, человеческих лиц...

И я вспомнил.

... Берег, теряющийся вдали, обильно ушпан муравейниками купающихся людей.

Я выбираю себе место недалеко от берега. Рядом со мной чинно располо-

жились трое: парень лет двадцати в белой рубашке и в трусах, на груди у него комсомольский значок. Его сосед—мужчина лет тридцати. Оба они осторожно ухаживают за кокетливой девушкой в легком платье.

— Кухайте, Женичка,—говорит мужчина постарше, вынимая из портфеля аптечку.

Солнце ползет выше в голубую пропасть и, замурюна опеселенный глаз, прятается за маленькое облачко. Потом оно появляется снова, жално разбрасывая снопы обжигающих нитей. Облачко уходит в сторону, бледнеет, рассысывается и совсем исчезает.

Я иду к воде и, разбрызгивая в стороны серебряный бисер, бухаю в воду. Когда я снова ложусь на свое место, случайно долетевшая фраза заинтересовывает меня разговором моих соседей.

— Нет... Это... просто зверство... Судебная комедия.

Говорит она—девушка в летнем платье. Ее большие, черные глаза блещат злобой и тонкие, как ниточки, брови ползут к переносице.

В омуте черных глаз девушки тонут оба: парень с комсомольским значком и мужчина с портфелем.

— Ваши милые товарищи,—завительно продолжает девушка,—завили совершенно невинных людей. Да, да, Андрей Петрович, не смотрите так на меня. Создали какую-то шумиху, какой-то шахтинский процесс. Просто комедия, которая ваши товарищи забавляют дурачком.

Она со злостью шваргает аленькую корку из губы плотно сматки.

— Просто—ваши товарищи-коммунисты—убийцы... Самые обыкновенные, товарищ Полушкин.

Значит, Полушкин—коммунист, человек с партийным билетом в кармане. А с ним рядом комсомолец.

Я иду. Мне кажется, что коммунист Полушкин должен решительно возразить словам девушки с красивыми глазами.

Но «товарищ Полушкин», как называет его девушка, притворно улыбается. Он отрывает руку от кожаного портфеля и грозит ей пальцем, точно провинившаяся маленькая шалунья.

— Боже, какие мы страшные, Женичка, даже мороз по коже пробирает.

Парень с комсомольским значком глупо улыбается и ничего не говорит.

— Вот видите, вы все превращаете в шутку, товарищ Полушкин,—обижается девушка.—Стыдитесь, вы даже не хотите подумать серьезно, что речь идет о нескольких человеческих живнях. Ну, скажите, разве это не убийство?

— Значит и я убийца, Женичка?

— Нет, конечно, не все коммунисты одинаковы. Вы—нет. Вы—другой. Не такой, как все коммунисты... Вы просто интеллигентный человек.

«Товарищ Полушкин» благодарно сморщит в ее бархатные черные глаза. Женичка его поняла. Она сказала ему то, о чем он сам думал. Он только интеллигентный человек, не такой, как все коммунисты.

— Бросьте все это, Женичка. Не стоит раздражаться,—говорит Полушкин.— Это очень вредно для вас. Не правда ли, Гриша? Давайте-ка лучше купаться. К черту политику. А, ну-ка, Гриша,—хлопает Полушкин отечески по плечу комсомольца.—Ну, кто первый в воду?

Меня начинает мутить. Мне кажется невероятным все то, что я слышал. Мне хочется полойти и плюнуть в лицо этому Полушкину и комсомольцу Грише. Мне хочется крикнуть им:

— Вы слышите, вы, Полушкин, Гриш! В омуте бархатных глаз вы потеряли лицо коммунистов и комсомольцев.

Я прохожу мимо Полушкина и нарочно ударяю его коленом в плечо.

... Общественный обвинитель закончил свою серую речь. Люди в зале загудели, точно включенные моторы в шехе. Обвинитель наскоро собрал свои записки и, нервно всматриваясь в глубину зала, торопливо направился к выходу. Я праводил его глазами. Выход лица его расплылся в улыбку. В дверях показалась девушка с красивыми глазами. Я узнал ее сразу.

Обвинитель с радостью пожал ее руку и осторожно вывел из зала.

Рядом со мной чинно расположились трое.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ОТБОРОСЫ?

Очерк П. БРЕСТСКОГО

Уголок химического завода.

ЗАЧЕМ ПОКУПАТЬ НАВОЗ В АПТЕКЕ?

В ДАЛЕКИЕ седые времена гремела по всему миру слава о двух могущественнейших государствах Малой Азии—Ассирии и Вавилоне. Не было никого на земном шаре сильнее этих государств, потому что неизменно миру урожаи давали их поля, делая страну богатой и независимой.

Но однажды от какой-то непонятной причины урожаи стали неожиданно падать. Из пятилетия в пятилетие на год в год все меньше и меньше земля давала хлеба. Казалось—ушла почва и не в силах уже давать прежнего изобилия хлебов.

Народ почувствовал сначала нехватку в продуктах, потом незаметно подался костлявый голод, и началось бегство в мор. Поля обезлюдили, — и страна опустела.

Так погибла Малая Азия, превратясь в выжженную солнцем голую попустыню.

Та же опасность нависнула на Европу во второй четверти прошлого века: урожаи европейских полей начали неудержимо падать. Думалось—нет надежды спасти европейские поля от гибели, и Европа должна так же погибнуть, как погибла когда-то Малая Азия.

Но Европу спас немешкий химик Юстус Либих. Он узнал причину нависнувшей катастрофы. Оказалось, что Малая Азия погибла, главным образом, потому, что в ее почве не стало питательных веществ и в том числе солей калия. Их съели растения, вымыла из почвы вода, и поля, лишившись их, уже не смогли давать тех же урожаев.

Чтобы не погибнуть, подобно Малой Азии, Европе надо было, как можно скорее, дать своим полям эти утраченные ими питательные вещества. Но где найти их?

К счастью, как раз в это время в Германии, около гор. Стассфурта были найдены богатейшие залежи калийной соли, а молодой химик Адольф Франк нашел дешевый способ обработки их для целей удобрения.

Всю жизнь приходится ему бороться с не верующими в его открытие земледельцами.

— Зачем покупать навоз в аптеке?—неоумевают они.

Но когда они все-таки, в конце-концов, переубеждает их и заставляют применять калийное удобрение, результат получается поразительный: урожай в тонну с гектара сразу вырастает до 2—2½ тонн. С тех пор калийное удобрение получает широкое распространение за границей.

Европа ушла: ее спасла химия.

ЗОЛОТОЙ КЛАД СОЛИКАМСКА

Та же опасность нависнула сейчас на советские поля. Десятилетиями вода вымывала из нашей почвы питательные вещества. Десятилетиями их поселили растения. И десятилетиями, благодаря нашей неукротивости и бедности, мы упорно твердили: — Глупо кормить землю. Она сама должна кормить нас.

Теперь мы жестоко расплачиваемся за наше невниманье к полям. Наша плодородная по существу земля дает ищущий урожай—в лучшем случае тонну с гектара, а то время как в Германии урожай доходит до 2 тонн, а в Бельгии даже до 2½.

И нечего отмахиваться указанием на то, что, дескать, там земля лучше и плодороднее. Если бы наш крестьянин попал на бельгийское поле, то он совершенно искренно бы заявил, что это—«броуза» земля А, между тем, с этой «броузой» земли бельгийцы собирают в 3 раза больше, чем собирают наш крестьянин.

Дальше так пролонгаться не может. Нам нужно заставить землю признавать нас своим хозяином, на которого она должна честно работать без забастовок, капризов и неожиданностей. А для этого надо прежде всего покормить землю.

Стыдно сказать,—до сих пор мы бесконечно бедны химическим удобрением. Если Германия на гектар тратит 300 кг удобрений, мы доводим эту цифру еле-еле до ¼ кг. Вот почему в пятилетие мы взяли решающий курс на самую широкую химизацию наших полей.

До последнего времени на земном шаре было обнаружено только два крупных месторождения солей калия: стассфуртское и эльвасское. Оба они в период войны находились в руках Германии.

В Советском же Союзе поиски калия начались осенью 1925 г. в районе г. Соликамска тем самым проф. Преображенским, который, проводя работу по исследованию калийных месторождений, совершенно случайно наткнулся недалеко на новый нефтяной район на берегу р. Чусовой.

Уже следующей осенью после начала поисков можно было считать предварительные изыскания законченными: стало ясным, что в верховьях Камы СССР обладает громадным, по всей вероятности, величайшим калийным богатством мира.

Вот грубый цифровой результат этих изысканий. В районе Соликамска пласты калийных солей оканчивались на глубине 90 м, а то время как германские на глубине 130 м, а эльвасские—450 м. Тот же блестящий для нас результат дает и мощность пластов. В эльвасском месторождении каждый км. километр может дать 2 200 тонн калийных солей; наше же соликамское месторождение содержит по крайней мере 11 500 тыс. тонн прекрасного по своему качеству калия.

ПИТАТЕЛЬНЫЙ ПАКЕТ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ПОЛЕЙ

Совершенно очевидно: в прикамских лесах мы нашли богатейший клад—пищу для наших голодающих полей. Теперь нам надо сделать все возможное, чтобы эта пища зловоль накормила наши обезлюдевшие поля. Это может сделать только химия. И сейчас полным ходом идет прокладка шахт в калийном районе, чтобы обеспечить возможно скорее бесперебойное питание наших полей. Все рассчитывается, таким образом, чтобы к концу ближайшего пятилетия мы смогли бы вынуть на наш сельскохозяйственный район не меньше 1½ млн. тонн прекрасных,

питательных калийных удобрений, в том числе до большего размахом и обрести блестящий опыт Гер-

Но накормить землю таким—недостаточно. Земля требует к себе большого разнообразия пищи. И к великому ее с голодной осведомленности питательной и раз-

Мы дадим полям суперфосфат на Урале, в Украине и в Польше, около мощной Борова создадут из мурманских горьковских фосфоритов чедана горы суперфосфата.

Если в 1913 г. наши суперфосфаты, если в 1925 150 тысяч тонн, то к 1933 тонн. Если в 1928 г. пролей мы смогли дать им муки, то к 1933 г. эта цифра.

Кроме этих двух балов мы дадим полям треве и

Моковский отпад

блес аммония и томшала. И в лес и под Москвой, пролетают пары аммиака, дождя. Последнее же блестящий продукт при выплавке личестве 85 тыс. тонн в дургическом заводе.

Через 5 лет богатый панем своим полям—паек из 5 удобрений. И поля не станут нормальные условия для «производительность своего на 30%».

Химия спасет наши поля: паровар нам десятки миллион хлеба.

КАКТУСЫ, МОЛЛОСКИ И НАЯ СП

Химия не только вырывает раны по линии. Он не только еше не знал мир. И куда не годной кислотности краски, целебные лекарственные и опилки он может свел

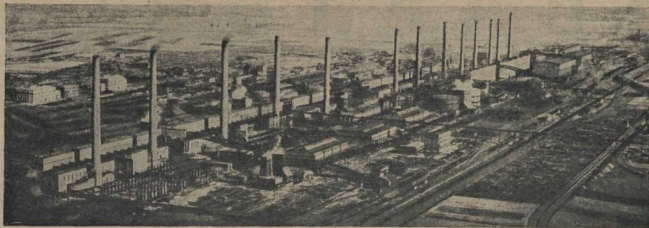
Берлин. Мы должны с поразительной смелостью повторения.

олько калийным удобрением — капризное создание; она внимания и прежде всего концу пятилетия мы переищней нормы на нормальбрауный паек.

софат. Построенные к заводам под Ленинградом, главным образом, под Московской электротрансформаторных, автобусных и уральского серного колесных удобрений.

ля получили 55 тыс. тонн г. эта цифра выросла до 70 тыс. она пойдет до 3 100 тыс. востом напряжении наших 15 тыс. тонн фосфоритной руды вырастет в 40 раз.

ра — калия и суперфосфата, четвертое блоку: сернико-

Один из химических заводов англ. общ-ва «ЛЕУНА» в Германии, вырабатывающий текстильные краски и др. химические продукты из каменного угля.

материю. Простое полено он превращает в бумагу, порошок и резину... Нет предела чудесам химии.

Но нет предела и ее бережливости. С первого же года своего рождения она об'явила жестокою войну всякой расточительности. Химия не признает отбросов, считает, что нет сора и ненужных вещей, а есть только нерадивый хозяин и его дырявые руки. И он находит нужное место в народном хозяйстве любой равной тряпки, заржавленному гвоздю и грязной щепке.

Когда в особых ретортах каменный уголь превращается в металлургический кокс, среди «отбросов» этого производства получается два «отброса» — аммиачная вода и каменноугольная смола. Эти вязкие жидкости с большим успехом используются химией для совершенно неожиданных целей. Кроме целой серии самых разнообразных предметов, она изготовляет из этих грязных жидкостей яркие краски 900 различных оттенков.

До этой исключительной победы химиков краски изготовлялись или из растений или из животных. Исключительно кропотливым трудом с ватратора невероятного терпения доставались нашим предшественникам эти краски.

Вот два ярких примера.

Есть красная краска — «кошениль». За ней ездил в Мексику, потому что только там растут особые сорта кактусов, а на них водятся редкий вид насекомых, сами которых содержат в себе эту краску. Чтобы получить ее, приходилось в Мексике культивировать для этой цели кактусы, в определенное время собирать с них насекомых и, нагревая в особых горшочках трупы самок, получать эту краску. Неудивительно после этого, что она стоила дорого.

Еще более разителен второй пример.

Во времена Римской империи пшавцы северной и южной сенаторов имели пурпурную кайму окрашенную аглицким пурпуром. Чтобы получить 1 грамм этой краски, надо было использовать... 10 000 морских моллюсков! Нет ничего странного в том,

что эта краска ценилась значительно дороже золота.

Так исключительно сложна и нелепа была красивая промышленность в те времена, когда химия была еще далека от нее. Теперь же смешно говорить о римских моллюсках и мексиканских кактусах: гораздо более красивые и прочные краски сотен разнообразных оттенков химия непосредственно приготавливает из грязных и вязких отбросов коковской промышленности, приготавливает в громадных количествах и по исключительно низкой цене: краска индиго, родственная античному пурпуру, который ценился выше золота, стоит сейчас 3 руб. килограмм.

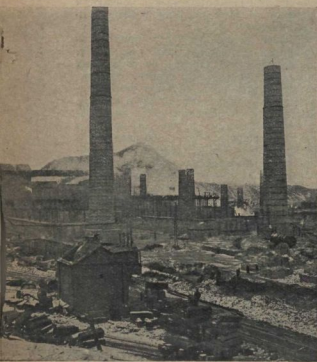
В грядущую пятилетку мы широко разовьем и эту отрасль химической промышленности. Громадный Бобринковский электрохимический комбинат под Москвой из отбросов коковальной промышленности изготовит достаточное количество текстильных красок, чтобы полностью удовлетворить наши потребности в них. А это позволит нам сохранить у себя в казне те 75 млн. руб., которые пришлось бы выплачивать иностранным «химическим королям» за ввозимую к нам краску, если бы мы попрежнему продолжали находиться в химической кабале у иностранцев.

ВОНЮЧИЙ ГАЗ, «БОЖЕСКИЕ ЗАКОНЫ» И КУХОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Все тот же коковский завод дает в своем производстве, кроме аммиачной воды и каменноугольной смолы, вонючий и ядовитый газ.

Казалось бы — кому он нужен? Но химия упряма, и она добилась того, что отыскала прекрасное применение этому вонючему газу: для освещения в газовых фонарях и для стриптинга в газовых плитках. Но химикам долго пришлось бороться с людским невежеством, чтобы победить человеческую козность.

(Окончание на 3 стр. обложки).

Сталинского металлургического завода.

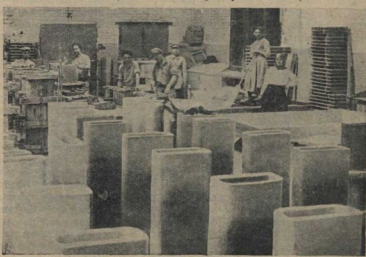
Первое мы получили в Донбассе через серную кислоту или из каменного угля — томасшлак — этот побочек железа — мы соберем в коковском Керченском метал-

лургическом заводе. Чтобы приготовить советская химия миллионы тонн искусственных гранул в долгу: получив «работы», они поднимут трудом, по крайней мере,

на 10% от участка Малой Азии, цинков тонн дополнительно-

ЦИНК И КАМЕННОУГОЛЬНАЯ СМОЛА

Собирает два колоса там, где оба — жас и волшебник. Из грязной, вонючей, индустриальной или приготавливает из нее, нежные духи. Из стружки прекрасную шелковую

Первый в СССР завод по выработке цинковых белил в Ростове. На фото — ретортный цех завода.

СОКОЛЬНИКИ

Очерк ФЕДОРА МАЛОВА

Прохладно-теплыми роши Сокольников в весенние сиреневые вечера. Ярко зеленый плещ луга и долины между деревьями, пахнувшими молодой листвой и хвоей, придают отрезвлению пейзажу безбрежных и липовых аллей, поперенен пресекающимися желтыми дорожками. Буйные поросли черемухи, рябины, пихт и дикой малины стискивают их зелеными нагромождениями. Оттуда несет прохлада и пахучая свежесть даже в знойную пору опслепительных июльских дней.

Гоци начинают сразу же около городских строений и улиц. Три трамвайных маршрута и один автобус подбегает почти вплотную к «Сокольническому кругу», который как бы образует собой лесные ворота. От «круга» лучеобразно прохлестывают лес длинные просеки, на «кругу» гремит и плещется музыка, а около трамвайных остановок и платформ с класом и фруктами шумят и толкуют толпы новых приезжающих москвичей. Толпы эти растекаются по лесу и наполняют его пестрой и гомоном. Люди отхалывают на зеленых ковках лугов, разбредаются по бетонным и прохладным березовым рошам.

Но рабочая молодежь ближайших районов пренебрегает лесной тишиной, чинится в воздухе и уютном теневых рош. Она ежевечерне стекается на площадь около трамвайных остановок и неизменно оседает тут, среди базарной толкотни, криков, пылищи и суетолиц. На выщербленно-каменных панелях короткого бульварчика и многочисленных дорожек между «кругом» и городской площадью косяками мелкой рабочей ашлпфуют мостовую ребят и девушек.

Приезжающие из центральных районов одеваются для прогулки за городом «попроще», «по-дачному», «как свободнее». Но всезастада пыльной мостовой разряжены и разлетят в лучшее. Шелковые чулки цвета «загара» «беже», «шн-икового» и «теплого» крикливо лоснятся на девичьих ногах. Модные «молочные» туфли без каблучков, шелковые пальто с короткими воротниками и вычурной отделкой, короткие платья и еще более короткие прически «фокстрот», пудра, одеколор, кармин, белла, подведенные брови являются важнейшей принадлежностью их внешности на прогулке. От девушек не отстает и ребята. Они не отстают и там же исподтишком в неуместном шепотельстве. Налевая новбы «с голубицы» черные костюмы, желтые туфли, цветные носки, хрустящие боты и модные кзы «Петрович», они тискаются в тесной «человеческой массе» и чихают от пыли, взметающей собственных ногам.

Молодежь стекается сюда, лишь только успеет переодеться и вычиститься после работы, но безостолово шлетется и орет на гуляны далеко за полночь.

Времяпрепровождение здесь лишено какой-либо цели и определено антикультурно. Девушки расхаживают звеняими в три-четыре или в пять-шесть человек, и на руках у шагулящих за ними ребят гордо, как трещащих лебедей, повисают по пояс гитары, воздушники, балалайки и мандолины. Выгляды и насаждение вторят треньянью мандолин и гитар, пронзительному реву двурядкой толпы ребят и подпевающих девушек.

Одновременно из десятка мест оплещается бесзастые отрывки «цыганочки», «страдания» или «мы на лодочке» и «лашадрицы»—самого пошлого, обывательского репертуара. А когда изловят оплещат припевок, голоса отменяют самые етксовые площадные ругательства. Высплывают перебранки, сооры, насмешки, подзудивание. Такое бестоловое, безалаберное, антикультурное вечеренье—благодарная почва для скандалов, побоев, скабресных и диких историй.

Заглажая, свивалящая обывательщина процветает в взаимососных гуляющих. Вот маргон этого обещания:

— Эй, ты, каремель копечная, поди, не бойся!..

— Отсыпайся!.. Ха-х-халь какой, подумаешь.

— Сама вались... баракло!

— Старее, кто ли торгуешь?.. Как ороднее гулять выривайся!..

!— Проваливай! Грышка, тебя из перстов давно присыпывае!

Здесь существуют свои этические нормы и правила, свой бытовой кодекс. Толкнуты, наступить на ноги, хлопнуть по спине, опануть чужое лицо дымом от папиросо, покряхтывать, подкалывать, «сплунуть» по адресу прохлещего—застрым отнюдь не считается. Это в порядке вещей. Но если кто-нибудь попрсит неприлично не выражаться, не приставать со скабресностями и свивальными хватками,—того опсыплют насмешками, ругательствами, беспощадно забранят и выкинут совсем с гулянья.

Здесь властвуют свои герои, вожди, новоды и распорядители. Пока их нет, гуляющие как бы не знают, что делать. Людские толпы движутся медленнее, движения вялы, разговоры серы и сонливы. Но вот появляется какой-нибудь «вождь», и все оживляет сразу. Толпы расшевеливаются и окружают его, крики начинают расти, как на пожаре, и стада девушек и ребят нестолупно движутся за ним по пятам. Интерес начинает охватывать каждого, потому что «он гуляет не протом так», а организует и затевает громоздкие истории, драки, «классические» перебранки со своими противниками и потешные преследования их. Заурядным хулиганам и начинающим забиякам тягаться с «ним» не приходится. У «него» в арсенале самое «допстающее» средство воздействия на толпу. Он — нейтральный, неустрашимый, смел, силен и непредприимчив. «Его» не перекричишь и не переспоришь, его не сразишь, потому что за ним стоят могучие рати зучеников и последователей. «Он охотно поможет товарищу «отомстить» счастливому сопернику или организовать травлю «охлаждающей симпатии». С «ним» не страшно ни якуские, ни черниковские, ни преображенские ребята, отчаянно задиравшие на прошлом гуляньи. «Он» разметет, расчитит вокруг себя широкое поле, и мирно стоящая за трамваями милиционер редко когда подоспеет своевременно прекратить побойше.

«Его», которому не таяется по пятам колесом и пожарок, учило и бешельно шлетются по пыльной панели, зевают или почесываются от безделья и скуки. На лавочках давно уже надолго сидеть, прохлещая почти все «взяты на заметку скаб-

резными подковираниями, новости истощились, разговоры потухли. И те, у которых еще осталось желание говорить, перебарываються вилыми замечаниями о вездном неге и лигуидной икре, о выработочных нормах у себя на предприятии и о кино, о бане и новых фашонах платья или обуви, вспоминают про хорошие организованные гулянья в других районах, снова позываются и, наконец, решают чем-нибудь убить оставшееся время медленно тянувшегося вечера.

Некоторые пускаются «чувствовать за новью», другие мовзят руки, испещряя и уродяя деревья и скамьи вырезанными надписями. Третьи воровато обираются партиями и, расположившись где-нибудь в укромном местечке, за кустиком, отчаянно режуся в карты, проигрывая непрочитые и непрочуренные остатки карманных денег. Карты нередко кончатся потасовками или повальной безобашной пылкой.

Однако, не лучшая участь приходится на долю и тех, кто ни в карты не играет, ни вырезывает надписей, ни составляет армию сокольнических героев. Эти, также остерегающиеся от скуки и безалаберности, находят свое призвание в отыскании и послушании усединенных парочек, за которыми «потом» утрагиваются толпы, отлащивающие мирушу лесную тишину воплем и диким ржанием. Подобные обывы распространяются и на всех остальных, отдыхающих усединено.

Милиционеру, стоющему у Сокольнического круга, приходится довольно часто выслушивать жалобы о хулиганских выходах и безобразиях. Но административные методы здесь, утрагивают свою силу,—на огромном лесном пространстве можно сколько угодно похулиганить и безнаказанно скрыться.

Так из вечера в вечер гуляет рабочая молодежь в лучшей подмосковной местности—Сокольниках. Почему никто не похлещает превратить это несурзное, дыное армилепроисхождение в организованное культурное гулянье? В сокольнических рошах есть хорошо оборудованные стадионы и спортивные площадки. У самых трамвайных остановок есть хороший кинотеатр «Тиволю». При нем садресторан, прекрасное фойе, где можно было бы устроить и радио, и шахматный кружок, и уютлок газет и журналов. В самом «круге» также кино, открытый летний театр, где часто выступают симфонические и струнные оркестры. Но почему-то вход туда установлен платный, а культурные начинания не распространяются за черту круга. Может быть, потому, что сюда стекается рабочая молодежь не только с разных заводов и фабрик, но и из разных районов Москвы. Но разве нельзя создать объединенный центр, который сумел бы организовать сравнительно культурное гулянье, более рациональное и достойное активной и развитой молодежи? Энергия и досуг отдыхающих пропадают зря, повелево выливаются в хулиганство грубые, нетоварищеские отношения. И разве перевелось такое «стусиелье» остальных городов и рабочих районах, где на отосках, в долинах, в парках и садах неорганизовано проводит время предоставленная самой себе рабочая и городская молодежь!

У входа в универмаг.

ЮНОСТЬ И ВЕЩИ

Очерк Валентина УРИНА

Для человека пожилого в вещи важна ее утилитарная сушность. Под этим углом и рассматривается каждое новое приобретение.

Для юности — это не закон. Ум и чувства еще не отягчены практическими соображениями, и потому реальная полезность подчас не играет при выборе никакого значения. Важно другое: романтика вещи, сумма тех неосознанных и никаким прейскурантом не расцененных радостей, которые может она предоставить своему обладателю.

Зайдите в гулкие, шумные залы универмага и потонкайтесь часок-другой среди суетливой толпы, островками оседающей возле прилавков и ослепительных витрин, и вы увидите, что юное племя — от пионера до рабфактыва — прочно осело там, где с точки зрения человека в летах нет равным счетом ничего привлекательного.

Ну что, например, интересного в спортивном отделе? А между тем там наиболее тесно и молодо-шумно.

Весна на дворе. Заулыбались зеленой деревья, синее небо гонит прочь хмурые тучи, греет солнце и потому — долгой стеснительною зимнюю одежду — дорогу «майских», легким трусикам, почет сандалиям и чулкам, минимуму материи и максимуму открытого тела, к которому вскоре плотно прильнет крепкий бронзовый загар.

«Майка» красная, зеленая, синяя, белая — это не просто одежда. Это — сезон, самый радостный и улыбочивый, такой же, как сама юность.

С весной приходит неистребимая жажда движения, просыпается дремавшая зимой энергия, и серые, карие, голубые глаза шуляют, лаяют взором по полкам, где лежат бесформенные обложки футбольных мячей, сетчатые теннисные ракетки и окантованные сверхкачественно сталью диски.

И мячи и диски покупают коллективно. Вместе с завлупом, уже осененным голубой «майкой», притопали сюда из-за стола эти ослеплые ребята.

Мяч... Раскажите кому-нибудь другому, что от него не зависит исход соревнования. Все должно быть учтено в первом бою за

первенство, и тогда сокрушительный «гол» будет наверняка забит в ворота противника.

И потому мяч смотрит так, как крестьянин лошадь на ярмарке: надпает ему кулаками в упругие бока, прогонит по полу, пальцами проверяют открытый, словно рот, шов.

Это коллектив, а тут же рядом, где полки завешены сачками, сетками, переметами, одиночки. Знакомые лица. Может быть, вчера вы только видели их? Ну, да, вон тот задумчивый, тихий паренек сидел на берегу тошей и грязной пригородной речушки с удочкой в руках.

Матерый охотник рыболов, считающий потерянную ночь, давшую меньше 8 кило рыбы, презрительно отозвался об этой согбенной фигурке.

— Рыболовы тоже! И для чего ходит? В век рыбешки не поймает, а сидит...

И сидит... И как растолковать этому серьезному, грузному человеку, что дело, в сущности, не в рыбе, не в добыче, что удочка — это только предлог провести ночь на берегу, у костра, где очень легко воображать себя путешественником по неисследованным окраинам Союза и в тьявники псов на слободенно окраине услышать голоса «вамсделешних» шакалов...

Но бамбуковое удилище плохо подогривает фантазию. Гораздо большим воздействием на воображение обладает ружье — этот неизменный спутник признанных и непризнанных «солополюгов». И потому в охотничьем отделе, где в застеленных шкафах поблескивает вороненой сталью чистый ружье, встретите вы и юнца, которого робко приценивается к красавице-винчестеру.

Винчестер он не купит — он просто не по карману, но за «двадцатку», подполненную из заработка ценюю многих зимних удовольствий, унесет с собой берданку Ижевских заводов, которая окружит своего владельца в глазах сверстников недосягаемым ореолом.

Берданка, даже в наш неперуогий век, способна творить чудеса. Когда она за плечами, то и взор совсем иначе смотрит на мир.

Сердце кипит тогда отвагой, и прибрежный цепкий кустарник, сквозь который нужно пробраться, чтобы выйти к реке, превращается в дубри Уссурийского края, о котором так красочно-волнующе рассказывала только что дочитанная книга путешественника Арсенева.

Но увлечения юности переходящи. Тайга уйдет из мыслей в тот день, когда товарищ по заводской работе, оборудовав коротковолновый радиопередатчик, в первый раз «поймает» Южную Америку.

Конечно, заброшена берданка и неизбежен путь тогда в радиоотдел универмага за аппаратурой. Потом — бессонные ночи и первый, неизменно растрясанный, удачный опыт. Отныне начинаются аэральные путешествия вокруг света... Индия, Австралия, Америка... За ночь облетит коротковолновик весь земной шар.

И трудно, очень трудно будет вытаскивать такого чудака на реку, на лодку вот этой группе девушек и ребят, столпившихся у прилавка отдела музыкальных инструментов, где домы, гитары, балалайки и мандолины одним видом своим просят согласной хоровой песни над тихими вечерними заводами, когда вода, как стекло, а в небе полыхает закат.

Струны на пробу звучат под руками, и под струнку выбивается знакомый, ой, какой знакомый мотив... Лодка плывет, а вместе с ней плывет и зрелости, к другой грани жизни и юности.

И грань перейдена. В хозяйственном отделе вгляди вы, конечно, молодую, немного смущенную пару. Они только вчера из ЗАГС'а, и в комнате мужа недостает многого, что сопутствует семейной жизни.

Примус и кастрюля, сковородка и чайник, — и, следуя неизбежному закону, буквально «на глазах» «окозобрастает» неважно бесполечная копия пара.

Вещи... Они не только спутники жизни, они избалованы. Что скажете вы про этого шикарно одетого, бледного парня, вот уже с полчасца шныряющего по прилавкам бельевого отдела.

Быть может он спрашивает себя «майку», чтоб сбросить, наконец, этот стеснительный костюм. Нет, он ищет рубашку и обязательно в синюю полоску, рубашку — точную копию той, что носит Жоржик, законодатель мод и сердцецел фабричного поселка.

Вглянитесь в этого покупателя, рассмотрите его пристально. Он юн по летам, но старик по чувствам. Юность свою он истрепал на пьяных вечеринках, под граммофонный фокстрот, зажигающий скотские желания. Он — опустошен, как нежлубокий водоём, и ничтожен, сер, как вещи, что унесет отсюда с собою.

На о этих людях наше слово... Завтра... завтра разноцветные универмагские «майки», облегли мускулистые торсы, подберутся по цвету в команды, и футбольный мяч вознится «свечей» в синеву небес.

Завтра новенький диск, описав круг, ляжет на землю за чертой, отметившей последний рекорд.

Завтра прогулка на «лодке» по реке, и сегодня купленная, обрешенная в струны гитара присоединит свой голос к играющему квинтету, и хор, грянув, расскажет ватихшим берегам про юность, про то золотое время, когда от души, легко и беззаботно запеваются песни.

КОМСОМОЛЬЦЫ

ЗА ПРИЛАВКОМ

Очерн Андрея ВОЛЬСКОГО

ШУМНО на Калужской «сковородке». Маленький скверик на Калужской площади действительно напоминает большую сковородку, на которой заботливой рукой МКХ причудливо разбросаны клумбы, как слегка поджаренный мясной фарш, и скамейки со спинками, будто ломтики картофеля, уложенные в строгом порядке.

Публика шевелится на «сковородке» в вечерних сумерках.

Трамваи бегут вокруг сквера, как около лакового блюда, но железные тропки, насильно заставляя их свернуть в сторону.

Пересекая сквер, слышу девичий голос: — Яшк! Сбегай в комсомольский, купи шоколадку или еще что-нибудь повкуснее!

«В райком, что ли?» думаю, только там шоколад будто не торгуют!»

Иду следом за Яшкой.

Оказывается, на углу площади — комсомольский магазин кооператива «Красное Замоскворечье», — секрет открыт.

Наружний вид его ничем не отличается от сотен других магазинов. Обычные витрины с грядками конфетных коробок и батареей дорогих вин.

А внутри из-за прилавков, заваленных товарами, выглядывают молодые лица. Ни одного усатого или бородастого лица.

В окошечке кассы видна касирша в красном жакете, молодой звонкий голос чеканит:

— За что платите? Какое отделение?

Следующий!

Сердито хрипит кассовый аппарат и щелкает.

Подхожу к фруктовому отделению. За высоким стеклянным барьером, заставленным фруктами, — белокурая голова продавщицы.

— Мне нужен заведующий! Где можно его видеть? — спрашиваю ее.

— Можете быть вам жалобную книгу, — удивленно глядящаяся она в меня. — Идите сюда!

Оказывается заведующий — это за горями, а за стеклянной перегородкой.

Пока я говорил с ним, девушка в белом халате ожидала, когда я попрошу жалобную книгу. Потом, улыбувшись, ушла.

В этом маленьком магазине всего семнадцать сотрудников. Только пять белоглазых ребят, остальные комсомольцы. Работает молодой коллектив.

За два года своего существования «магазин № 95» стал известен среди обслуживаемого им населения, как один из лучших и образцовых.

На фото: сверху — молочное отделение комсомольского № 75 Сокольничьего магазина; слева — прилавка кондитерского отделения магазина № 95 в Замоскворечье.

Об этом говорят и покупатели и, главным образом, жалобная книга, в которой есть всего несколько жалоб на качество товаров или, например, на битые горлышки у пивных бутылок.

Вот почему Маруся Кисчук, проводившая меня к заведующему, волновалась из-за жалобной книги, в которой нет ни одной существенной жалобы на работу магазина.

Уж на что работа бакалейщика нервная, трудная, но Шура Сергеев за два года работы в бакалейном отделении не имеет ни одного замечания от покупателей.

Придинок от «грандинок в шляпках» очень много, но комсомольская выдержанка берет верх.

— Мы все должны оправдать звание комсомольца! — говорит Маруся Кисчук.

— Мы понимаем, какое значение имеет кооперация в Советском Союзе, и мы за прилавком не прикачки, а хозяева! — не отрываясь от работы сказала Шура Фелотова, отшвырнув конфеты. — Мы за прилавком участвуем в социалистическом строительстве! — добавила она.

Время около одиннадцати. В контуры завяга вдруг шумно влетает гражданин с желтым портфелем.

— Это безобразие! Да я вас в «Рабочую Газету»... Да я...

В чем же дело? Оказывается, продавец, вместо просимых ста грамм рыбы, отнес ему на 10 коп. больше. Дорогую рыбу, и вообще рыбу очень трудно резать и угадать граммы в граммы. В результате шум, угрозы, «Рабочая Газета».

Без четверти одиннадцать магазин закрывают. И теперь ребята заняты уборкой своих отделений.

Тоя подчитывает кассу. Еще только два галда, как она стала работать за кассой. Но старым касиршам она не уступает.

— Она бакалея пропускает до тысячи человек в день! А середняк больших у кассы не знает! Чутьонку устает, ну то ерунда! — так объясняет Тоя.

Для нее пропустит тысячу человек — «ерунда!» Чутьонку устает!

— Если бы не сплоченность коллектива, такой работы не было бы! — выпустив последнего покупателя, говорит завмаг. — Каждый несет ответственность за свое отделение, «леноточка», — все это знается на нашем успехе. А в общем, «един за всех» — все за одного! Хоршо помогает в работе лавочная комиссия.

Благодаря нашему вниманию к ней, она работает очень легко.

Последнее замечание завмага комсомольского кооператива знаменательно, так как в обычных магазинах на членов лавкома завмагу смотрят, как на зверей.

Магазин закрыт. Идем на Калужскую площадь.

— А в Сокольниках, в 75 номере не был? — спрашивает Маруся Кисчук.

— Разве там тоже комсомольский?

— Большой, раса в три... Девчата! Десятый! — все трое бросились бекать к трамваю.

В окружении новых домов на Русаковской улице, напротив завода бывш. Калинин, занял по фасаду весь первый этаж магазин № 75 Сокольничьего кооператива.

О его размере можно судить по количеству сотрудников: их пятьдесят. 50% комсомольцы, вообще же 75% сотрудников

в магазине—молодняк и только 25% старых, вернее, пожилых продавцов. У последних учатся совсем молодые ученики-пионеры. Примерно, распределены работы так: заведующий отделением—комсомолец, его помощник—беспартийный и ученик—пионер.

Все время идет подбор сотрудников, но направление кооператива не идет навстречу замгаму.

— Прошу кассиршу-комсомолку,—говорит он,—прислали пятидесятилетнюю! Ну что будешь с ними делать? Кроме того, в наш магазин неохотно идут продавцы. Говорят: «в 75-й не пойдут, там уж очень строго!» Боятся дисциплины, а на нас у нас обращено все внимание.

Правда, в этом магазине не увидишь одиноко стоявшего или жующего продавца. Если ему в своем отделении нет работы, он бежит помогать товарищам в другое. Это одно из средств ликвидации очередей, другое—предварительная развеска товаров в специально оборудованном отделении и третье—ленточная система выхода на работу, так называемая «ленточка».

Конечно, и здесь бывают очереди, но это происходит оттого, что соседние магазины умышленно начинают выдачу дефицитных товаров на час, на полчаса позднее 75-го.

Манера у замгагов спихивать очереди со своих плеч на другие магазины тормозит работу и в комсомольском.

Увеличение нагузков, рационализация постановки дела комсомольцы показывают оседам, как надо обслуживать потребителя.

Сейчас в магазине № 75 переоборудуется холодильник, устанавливаются боенские весы и делается специальный вход для подачи мяса в магазин (до сего времени туши мяса носились через весь магазин в камеру). Проектируется установка двух под «емников для подачи товаров из подвала.

Это в недалеком будущем. А пока магазин увеличили свои обороты против предположенных смет в среднем на 10%. За один март магазин дал оборот в 122 000 рублей.

Хорошие результаты надо отнести за счет спайки коллектива.

Раз в месяц у прилавка бакалейного отделения, после окончания работы, ребята слушают отчет заведующего. На этих совещаниях самокритикуются. Самокритики в почете, в роде.

— Бакалейщики медленно выдают макароны,—подмечает мясник Евсиков.

— Иначе, друг, нельзя. Попробуй их вешать в бумагу, когда они торчат во все стороны! Ничего не сделаешь, такой товар!—говорят товарищи между собой в обеденный перерыв в красном уголке.

Красный уголок, здесь же столовая и раздевалка. Между мешков с крупой, с сахаром, за штабелями ящиков с макаронами и бочек из-под масла отгорожена маленькая комнатка.

Здесь за кружкой чая просматривают ребята «Комсомольскую Правду» и другие газеты. Для уголка закупается библиотека.

Обедают, вернее закусьвают, не уходя из магазина, т. е. уходят в красный уголок.

Кое-кто скажет:

— Знаем, мол, как они обедают! Поги, порежут колбаски, а то и рыбки! Конечно, им можно.

Комсомольский магазин № 95 кооператива «Красное Замоскворечье». Кондитерское отделение.

Может быть, это есть в обычных магазинах, но в комсомольских нет. Прежде чем взять, сотрудник магазина обязан выбрать в кассе чек на ту сумму, на которую он берет продукты, и подписать его у замгама. При вылаче зарплаты у него вычитается набранная за месяц сумма.

Одна из трудностей в работе магазина заключается в том, что все ребята или общественники, или учатся. Так, например, восемь человек учатся на административно-хозяйственных курсах. Это усложняет выход на работу в вечернюю смену.

— На собрания по очереди ходим: одну неделю я пропускаю, другую—она! Ничего не сделаешь!—рассказывала Шура Филатова в замоскворецком магазине.

Все же комсомольцы выкручиваются: и учатся, и общественная работа, комсомольская нагузка выполняется, и работа в магазине на высоте.

— Наши магазины должны быть показательными в области рационализации и обслуживания потребителя!—говорят в один голос молодые кооператоры. И мы добьемся этого! Уже президиум Церабсекции РСФСР признал, что организация комсомольских магазинов хозяйственно себя оправдала, и установлено, что обороты магазинов, где торгует молодежь, значительно выросли,—в среднем с 49 000 в месяц до 60 000 р.

Не все хозяйственники в правлениях поддерживают молодежь. Сокольническое правление к-ва на всяких мелочах, не говоря уже о крупном, старается подорвать авторитет замгама. Сейчас один из случаев разбирается в райкоме комсомола.

Ленинградская инициатива оправдала себя. По их почину в Москве уже нет ни одного района без комсомольского магазина.

В семи московских комсомольских магазинах комсомольцы показывают, как надо работать рабочему кооперативу.

За кассой Тоня Лебедева. Магазин № 95 кооператива «Красное Замоскворечье».

В обеденный перерыв в красном уголке. Сокольнический комсомольский магазин.

РЕКУ ПЕРЕПЛЫВАТЬ ВРЕМЯ ПРИШЛО

Статья Г. ЯРЦЕВА

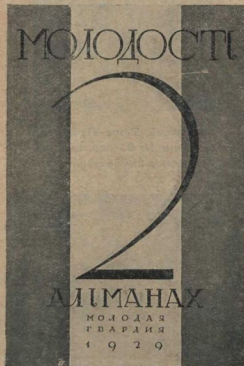
Авторы сценария кинокартин «Цена человека», прошедшей недавно первым экраном, гг. Злин и Залькинд, были, видимо, об эйта сами лучшими намерениями. Но этого еще недостаточно для создания хорошего комсомольского фильма. Картина получилась неудачная.

Достаточно посмотреть ее начало, чтобы узнать всех ее героев. Перед зрителем на экране проходят «активист № 1», «активист № 2» и т. д. По внешности нумерованных активистов—модная фигура и одежда под рабочим или белее брезжи и тупое самовольство на лице—зритель сразу делает вывод: это—рубаха парень, не поведет, это—боркотрик, который не уяснил себе «цену человека». Затем в картине все идет «как по нотам»: хороший активист совершает только хорошие поступки, плохой активист творит только плохие дела. Исход дела ясен: хорошие обрзают верх над плохими, и «цена человека» будет обшеустановлена.

Картина не убеждает зрителя, а навязывает ему с самого начала отношение к ее героям. Это—главный упрек, который картину можно сказать. Отдельные кадры—коллективная грусть о больном товарище и коллективная радость по его выздоровлению—совершенно неправдоподобны.

Деловые герои на «плохих» и «хороших», внешний показ событий свойственны не только кинокартинам.

В большинстве рассказов, присылаемых молодежью в редакции комсомольских газет и журналов, описываются заседания бюро ячейки, общие собрания, собрания рабочих, «Отпор»—новая повесть Б. Рингова (помещена в № 1 «Красной Нови»)—начинается и кончается собраниями и заседаниями. Можно подумать, что вся жизнь молодежи, комсомольцев проходит в сплошном заседательском круговороте. К нашему счастью, это не так.

Недавно вышедшая в изд. «Молодая Гвардия» новая книга альманаха «МОЛОДОСТЬ» (стр. 336, Ц. 2 р. 75 к.), в которой напечатан роман М. Платошкина—В ДОРОГЕ.

Здесь обнаруживается слабость и неопытность молодых писателей, неглубокие знания ими жизни.

Возьмем три вышедших за последнее время произведения, посвященных современной молодежи. Это «Натка Мичурина» В. Кетлинской, «Прыжок» И. Бранижнина и «В дороге» М. Платошкина. Отраден самый факт появления этих произведений, но на каждом из них можно проиллюстрировать слабость ирреальных слепот авторов.

Особенно ярко эту слабость показывает повесть «Натка Мичурина». Книжка эта, несомненно, будет раскуплена за злободневную тему, и по повлосу нее будут спорить. На этой книге особенно отразился отмеченный выше штамп—деление на «плохих» и «хороших». В посвящении к «повести» В. Кетлинская пишет, что она брала из окружающей ее действительности отдельные типы, и факты, и своего основного «героя»—комсомольской коллектива.

Основным недостатком повести является именно то, что автор до-неделья обобщила «отдельные типы и факты». Небольшая история о работнице Мичуриной и обманушем ее комсомольском секретаре Сизове воспринимается читателем так же, как была бы воспринята небольшая газетная заметка той же истории. Только на чтение заметки мало потратить минуту, а на повесть—час. И Мичурина, и Сизов, и другие «типы» повести даны поверхностно, без показа индивидуальных особенностей, без углубленного изображения своеобразия каждого из них.

С самого начала повести читателю становится ясно, что будет дальше и чем кончится повесть—Сизов будет наказан коллективом, а Мичурина спасена. Почему так поступал Сизов с Мичуриной, что его сделало таким, каким он изображен в повести,—остается невыясненным, видимо, не по вине, а по беде автора. Легче Кетлинской сказать: основной «герой»—коллектив, и гораздо труднее показать отдельных представителей этого коллектива, показать эскал любой комсомольской ячейки. Если у комсомолки Жени в повести все идет как нельзя лучше,—аборт она не делает, детей рождает, общественную работу, выйдя замуж, не бросает,—то почему это у нее все так хорошо, а вот у тысячи других Жень этого нет?

Получается, как в кинокартине «Цена человека»—все «ясно и понятно» и от этого скучно.

И. Бранижнин в романе «Прыжок», романе, «слепому» более умелой рукой, точно так же не ушел от штампа, но на этот раз от другого штампа—штампа огнеления романа подробностями, не имеющими никакого отношения к основной наиве романа. Автор вводит в роман, рассказывающий о «преступной» женитве комсомольского активиста Джекита на представительнице другого класса, детективную завязку—историю убийства комсомолки бродягой. Вся эта история, занимающая едва ли не половину романа, нужна Бранижнину в «Прыжке» лишь для того, чтобы Джекита отказался обвинять на суде предполагаемого убийцу, так как это брат его жены из чуждого класса. Какое отношение!—скажет читатель. Однако, это «разложение» Джекита не мешает Бранижнину отправить своего героя на

комсомольскую работу в Туркестан. Джекита, совершив этот «прыжок», исправляется, он «ясно на верном комсомольском пути».

Большую, серьезную тему о мелководью жуаизмом влияния на рабочую молодежь И. Бранижнин сводит к сожителству представителей разных классов, Жена Джекита Юлочка показана заурядной мешанкой, но и только. Для большого романа, для большой темы этого мало. Покажите нам, И. Бранижнин, почему Юлочка так легко поддалась влиянию Юлочки и почему так же легко разошлась с нею. Или Джекита—любитель «прыжков», тогда си не типичен для нашей молодежи. С такими воззрениями, как у Юлочки, много девушек и из рабочих семей. В чем отличие их от Юлочки? Роман «В дороге» подающего большие надежды молодого писателя М. Платошкина отвечает дань такому важному вопросу, как выдвижение девушек на активную работу в комсомоле. Героиня большого романа (в романе около 400 страниц) Пания райкомом посылается секретарем фабричной ячейки. Встреченная недоверием со стороны большевистства ячейки, Пания добивается своего,—ячейка признает ее своим руководителем, и работа налаживается.

Но может ли «первая пелушанка»—секретарь ячейки работать, если у нее появляется ребенок? Платошкин в своем романе дает на этот вопрос отрицательный ответ: не может. За время отпуска Пания для рождения ребенка коллектив о ней забывает, избирается новый секретарь, она перестает участвовать в общественной работе. И лишь... смерть ребенка опять возвращает ее, героиню, вниманию, она беретась за работу на этот раз уже в качестве менорганотатора партийки.

Проблема сочетания семьи, детей с общественной работой у наших комсомолок еще долго будет тормозить выдвижение женщин на общественную работу. Судьба Пании и ее ребенка отягощается еще тем обстоятельством, что отец ребенка не был вместе с Панией, не помог ей в трудное для нее минуты, и понадобилось трагическая развязка—смерть ребенка—для возвращения Пании к работе.

В романе «В дороге» достаточно заседания и собраний. Место действия—комната ячейки, помещение райкома. Герои—секретарь и бюро ячейки, секретари и члены райкома союза.

Это заставляет подчеркнуть со всей силой необходимость повернуться от заседания и собраний к быту рабочей молодежи, как он есть. Не случайно, что все три автора и находят себе героев среди комсомольского актива. Ярилова рабочая молодежь, средней комсомолец, не втянутые шепиком в общественную работу, не находят еще себе места в художественной литературе. Авторы берут актив потому, что это наиболее знакомый им слой молодежи. А показать не нам, чем живет, дышет ярилова масса комсомольцев—нехватает силенок. А именно это важно и нужно.

И в этом смысле можно сравнить положение, в котором находятся наши молодые авторы с положением Пании у Платошкина, для которой настало время научиться плавать, а «страх и неуверенность» не пускают.

«Реку переплывать время пришло»...

Под редакцией В. ПЛЯТА

(Перенос со стр. 9-ой).

КОНКУРС АИРСТОХОВ

(Оночашне)

XXI (ДЕВИЗ «ПЕРЕСМЕШИНИ»)

Ой, страна... деревни... села...
Рыжой замах в нос мне прет...
Еду с псаломом несешь...
Шагом, рысью, вскачь... Вперед...
И направо и налево
Искабываешь престоор...
Поглядите: зиво-заво...
Елки, сосны... Вот так бор...
Тышу раз и «проследил»...
Распрекрасная ты Русь...

XXII ПЕЧАЛЬНАЯ КАРТИНА

(Девиз — «Собственность есть кража»)
Печальная картина, картина за окном;
Единую березку рабкой сегодня грюм.
Тучи сине-черные... черные, как ночь,
Разбегались по небу, разбежались прочь.
Другулилась березка, щель в стволу видна,
Расцелила до струны лану всю видна.
Единй дам стираться, стремится в высоту,
Широк простор проглотит былую красоту.
И взор мой не увидит кудрявости листы,
Ни стволника березки, ни пятен круговых.

XXIII А. С. ПУШКИН

(Девиз — «Полю карьерне»)
Ахмет вынимет грустную весть:
Безудна утренней порой
Погий твой брат за дело чести,
Убит предательской рукой.
И немую, но смею думать,
Исполнил мысленно и делом,
Найдя врага — и отомсти.

XXIV (ДЕВИЗ «ПЕРЕСМЕШИНИ»)

Гренада, Гренада,
Гренада мой!

Австалаи гранаты,
Выла зарпеч...
Егор жор Грэнуду
Тыгуа зооу речью...
Лейтов тыл мысли,
О мюном деле ои...
Иве лондони сенсли,
Мертвец эсадрон...

XXV

«Сегодня» иные мы песни поем,
В них радость и яркое солнце,
Единство великое в песнях наших...
Твердые шаглы, комсомольцы...
Делается нас, поместя старость дружит...
О несных, нас мыслях, не надо тужить,
Иновь новая песни и новая жизнь.

(НИК. ХАНДЫС)

XXVI БАЛЛАДА ВО ОСТРОГЕ

Начавши спалад, дура и строг;
«Только хочэ этот дьявоныи вы строг
И вальт... И его удервать»...
Хоть бы из сотни осталось нас пять!
Они напохали... Был нестер дин.
Над ними тьма...
И отрыванный крик
А сиренасы приксамом, шталов,
Ворвались ои... Из сотни — громе!

(И. ГЭЛЛИНА)

XXVII ФОНТАН

(ДЕВИЗ «ПУЛЕТЧИНИ»)

Фонтан спивонка дублетис,
И ты следишь, оценен,
Ты пламеннее, ты дробнее
Инейшей водной взвесон,
Ты мыслишь, друг, гляди на воду,
Что смертной мысли водомет...
Иде надолго рай триорон...
В бесстыль наемь упадет.

XXVIII МОЯ ЛЮБИМАЯ

(ДЕВИЗ «НОВЫЙ РЕНЕД») 1

Ее обнимал я, как в горни горю,
Пылен от ласки и вина...
А стрепасы с небес голубых зарп,—
Нарезает оид
«Френра...
И ночь—дзельца. Но изумручим голосом
Иныи мысли поют в могоу:
О ней у стина забавы не могоу,
Вспоминяя попутры волос...

XXIX НА СМЕРТЬ ПОСТА

Солнечной порою зерензны нос,
Елод шум митезных, тихий язык беред;
Роснотные воды пламенной весны,
Голубые годы, голубые годы...
Есть ли где таяна у неждоу других
Вперенность и вежностэ стронч голубых?
Есть ли где так много и надежд и сил,
Солнца и простора... Кто же нас себугит?
Ему петь да петь бы, будто соловоно.
Но—ничей ои пылинке отдала слово?
И зачем позволяли, обрваной свой путь,
Неулыбливой щелье зно захлестнуть?

XXX ПОРТНОЯ

(Девиз «Любитель поэзии»)

Используйте...
Отлично приняти заплаты...
Гам когда-то таяне посто...
Фасон отужен болото...
Угерино:
Тысяча ашплат—эмерсиз
Коль кушать
И жни бить захочешь,—
Не то повосточнича...

Мы поместили все наиболее ценное из присланного. Есть еще недурные аирстохи Семен Яковлевича Надеев («Nord Star») и Пуниня некторых аирстохов. Но поощрительно, не стоит возмиз и мало интересна сама по себе, что помянуть неважно пародию на нее в 20 строн, в последней ступени одностранных, не стоит, возмиз же Пуниня настолько прогрессна, что выникать в ее стелье—дело, слишком редко кому удающееся, так что и этих аирстохов, слишком далеких от Пуниня, мы не помещаем. Аирстох «Любитель поэзии» на Алексея Кольцова не делю, но значительно уступает приведенному выше и № 3 аирстоха Алексея Кольцова неизвестного автора из неконченного конкурса.

Предлагаем всех читателей высказываться по поводу помещенных аирстохов, присылая либо списки по образцу конкурса судей, либо в какой другой форме.

【 ПО ПОВОДУ «ПАНТОРИОМ»】

Мы получили от М. Кучина из Ярославля следуюшую забавную и интересную заметку:

ТРИОРИОМ

Чистая, трио выравнованая, отпалкованная панторифма считалась до сих пор лучшим видом рифмы в данной области литературного творчества.

Недаром ей и было присвоено такое многозначительное громкое название—триорифма. Кан побродь—дальше и ехать некуда.

Но оказывается—смафор открыт. Панторифма и является еще предлогом в поступательно-творческом движении пятитной человеческой мысли.

У нас имеются все основания считать рифму с панторифмой особенно значительней входившей в ряд редчайших грамматических предельно...

Достигается это таиним же сочетанием специально подобранных букв в слове, как и в панторифме, но задача здесь, значительно труднее и сложнее.

Да и в самом деле, надо много затратить пропотливой старания, много вложить живого внимания и творческого интереса—чтобы из одного и того же ряда букв создать три отменно сложные фразы.

Такого рода рифму и предлагаю наименовать—триорифма.

Для наглядности приведу триири образца таковой.

Зоритесь с антом пл.
Вороти, тесан-то мил.
Вор-О Тиге; сан томил.

Данный пример условна таиниз и в том отношении, что он содержит в себе еще производящую рифму:

«Воротите, а кто выли!»

К тому же в триорифме остались неиспользованными еще два новых слова: ворит и тес.

В общем, в этой области поработать есть над чем.

Целим nye дорогу триорифме.

М. Кучин

Нам забавна эта заметка, мисуду прочим посто, что стою панторифма выдумана нами всего год 3 назад,—действительно, можно уже во всеобщее употребление. Но явление это существовало, действительно, уже давно. И инцидентом такого «творчества» надо считать одного французского юного XIX столетия, названного следующее двустишие:

Gal, amant de la Reine, a-tout magnanimel)
Galumant de l'Arque a la Tour Magne a Nime.

(Гал, любонци королевы, поинса—великодушно ход!—Любоанс с арены и башне Магн в Ниме).

Но забавнее всего, что на свете ничего вполне оригинального нет. «Тройной зашубор» существовал и ранее причудливого Кучиня.

Говори фискамом бурем.

Что и в фискамм сивалом бурем

Подхожу и к кашчубуром!

Когда в 1819 г. в Германии химик предложили построить газовый завод для освещения улиц города Кельна, «отцы города», обсудив этот вопрос, вынесли мудрое решение:

«Ночное освещение улиц противно божьему закону, ибо господь не для того создал мрак ночи, чтобы человек нарушил его».

А когда тот же вопрос был поднят в «просвещенной» Англии, сатирические лондонские журналы того времени заполнили карикатурами и насмешками над «чулками», которые выдумали заменить великолепное освещение масляными лампами и салными свечами светом какого-то вонючего и ядовитого газа.

Химикам пришлось жестоко бороться с «отцами городов», и сейчас на этом участке своего химического фронта они могут праздновать решительную и блестящую победу: в настоящее время каменного угля расходуется для питания газовых заводов, которые вырабатывают 15 млрд. куб. м светящегося газа. Этого количества хватило бы на то, чтобы в течение часа дать свет 15 000 врат. свечей и наполнить стандартный воздушный шар, диаметр которого в 3 км.

В градулющую пятилетку мы наладим широкое производство этого «вонючего» газа. Донецкие газовые заводы по трубам отправят этот газ в рабочие города Донбасса, чтобы тащить «кухонную революцию» в шахтерских домах-коммунах, освободив людей и матерей от горючих от дыма, смрада и сплетен перешедших дульных кухон-каморек.

Громкий электротехнический комбинат, который вырастет у Бобринков под Москвой, пошлет в столицу тысячи куб. метров этого ядовитого газа, экономия топлива, лома, старый и смело строя новый быт.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

Конечно, не только удобрение, краски и газ возьмет на себя химия в градулющую пятилетку.

На громадном днепропетровском алюминевом заводе химия из тивкинских бокситов будет готовить каждый год по 10 тыс. тонн алюминия для нашей автомобильной промышленности.

Собое химическая заводия из повара-голы приготовляет хлор, который вытравит вредителей наших полей и сыграет большую роль при производстве лекарственных препаратов.

Из советского полена химикя готовят вискозу—дешевый, прочный и красивый искусственный шелк.

В районе Ярославля вырастет громадный резиновый завод, который полностью удовлетворит спрос на автомобильные галоши—шны и пневматку.

И, наконец, по всему Уралу выдмат трубы лесохимических заводов, которые переправят стружки, опилки и щепки в укосуную кислотоу, спирт и формалин.

Задача, которая стоит перед страной, очень сложная: научно организовать химическую промышленность громадной страны. Организовать так, чтобы действительно ни одна тонна ценных продуктов не попадала в помойную яму.

ШАШКИ

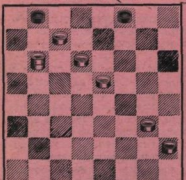
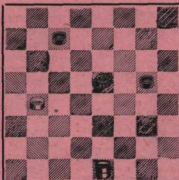
Под редакцией В. В. МЕДКОВА

3-й конкурс решений задач и этюдов

Задача № 5

Ф. И. СТОЯНОВ (Горький БССР).
Печатается впервые

Этап № 3

Л. ЛЬДЕРМАН (Киев)
Печатается впервыеБелые: Д. б6; пр. с7, д6, е5, г3, h2 (6)
Черные: пр. b8, f8, (2)Белые: Д. е1; пр. b4 (2)
Черные: пр. с7, е5, g5 (3)

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ

Задача № 2 В. М. Богуславского. (Бел. Д. а7, h6, с7; пр. d4, е5, Черн. пр. h2, h3, Заперетьประตู).

1. e7—f2, h2—g1 (1. h5—g7;
2. e5—f6; 3. b6—d4; 4. c7: g3;
5. f2—g3 и 6. a7—g1); 2. c7—d5;
3. f4: f2; 4. d8—f6; 5. f6—h5;
6. h2—d4; 7. e5—f6; 8. f2—h4; 9. h4—g3 и 10. a7—e1.

Имеет 3 побочных решения: 1

1. b6—с6 и 11. a7—b6.
Этап № 2 В. И. Галекеера (Бел. Д. с1; пр. f4, g5, Черн. пр. h2, d4, b6, Выигрыш).1. e1—с3 и если 1. h2—с1, то
2. с3: g7; 3. d5—h6; 4. h6: f4 и
выигр. а если 1. d4—с3, то
2. f4: d2; h6: f4 (3. b2: d4; 3.
g5—f6); 3. с3: а1, f4—g3; 4. a1—d4
и выигрывают.

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

И. РУБАНОВУ (КИЕВ). Задача № 5 пойдет, этот № 3 уже встречался в печати.

И. ХОЛЗАНОВУ (АРХАНГЕЛЬСК). Присланный этюд постараемся решить и тогда сообщим решение.

ПОПРОБУЙ И ТЫ

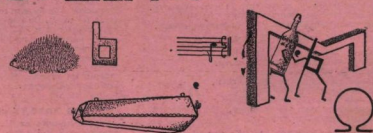
Под редакцией С. ГЛЯЗЕРА

ВНИМАНИЮ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА

Этим отделом конкурс заканчивается. Результаты будут опубликованы в 15 или в 16 номере «СМЕНЫ». Ближайшие отделы будут для решающих вне конкурса. Авторам очки даваться будут. Отдел «Попробуй и ты» перестраивается на новых началах. Следите.

Редакция

№ 22 РЕБУС

В. ЯРЦЕВ 1 очко, РЕШЕНИЕ 2 очка

№ 23 ШИФРОГРАММА

№ 24
ЗАГАДКИ - ШУТКИ
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

а. Какая нота с элементом танца становится опоздем.

А. Карачицев

б. Какой город в СССР самый сердитый?

в. Какая река находится во рту?

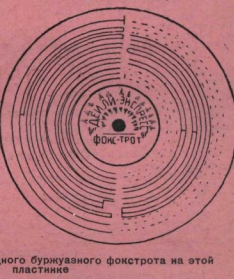
г. В какой буре сто других бурь превращают ее в страну света.

д. Сколько стоит самый дешевый лев?

К. С. Золин

Авторам по 1 очку
За решение 1 очко

Прочтите название модного буржуазного фокстрота на этой пластинке

КОЛЛЕКТИВНЫЙ РОМАН
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Николая БОГДАНОВА

Бориса ГОРБАТОВА

Виктора ДМИТРИЕВА

Александра ИСБАХА

Виктора КИНА

Марна КОЛОСОВА

Федора МАЛОВА

Михаила ПЛАТОШКИНА

Ивана РАХИЛЛО

Михаила СВЕТЛОВА

Давида ХАНИНА

Янона ШВЕДОВА

Георгия ШУБИНА

В
СМЕНЕ
В
БЛИЖАЙШИЕ
МЕСЯЦЫ

НАЧНЕТСЯ ПЕЧАТАТЬСЯ!

Во избежание перебоев в доставке вам журнала «СМЕНА» спешите возобновить подписку с 1-го июля. Подписная плата на 6 мес. (т. е. до конца года) — 1 р. 5 к., на 3 мес. — 55 к.

Подписку и переводы направляйте: Москва, Центр, Новая пл., б. Изд-во «Молодая Гвардия», либо скажите по все отделению Издательства и др. центральных издательств, в киоски контрагентства печати и все почтово-телеграфные учреждения, а также уполномоченным, снабженным соответствующими удостоверениями.

Если вы немедленно не возобновите подписку, то этот номер журнала окажется последним, который вы получите.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМОСОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕНА“

Редакция: Москва, Центр, Новая пл., д. 6, тел. 1-81-01
Контора: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., д. 6, тел. 5-67-03

№ 12 ИЮНЬ 1929 год

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: «Смена» 1 год—2 р., 6 мес.—1 р. 5 к., 3 мес.—55 к. «Смена» с прилож. журн. «На суше и на море»: 1 год—3 р. 45 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—95 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Вит. Василевский — Шениотовый рай (рассказ). М. Туган-Барановский — Ночные посетители (повесть). Илья Заславский — Обинитель (очерк). П. Брестский — Существуют ли отбросы? (Из очерков о пилетке). Ф. Малов — Сокольники (очерк). В. Урин — Юности и вещи (очерк). А. Вольский — Комсомольцы за прилавком (очерк). Г. Ярцев — Реку переплывай, время пришло (статья). Мих. Д. — Счастливые кольца (очерк).

Стихотворство. Шапки. Попробуй и ты.

Ответственный редактор: Г. ЯРЦЕВ